

Данцела
Тиа

Роман
о любви,
нежности
и страсти

Звезда

Даниэла Стил

Звезда

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158567

Звезда: АСТ; Москва; 2001

ISBN 5-17-005263-4

Аннотация

Это – вечная сказка о Золушке, сказка, так и не утратившая своего очарования. Это – блестящий Голливуд, город циничных негодяев и самовлюбленных красавиц, город славы и богатства, коварства и соперничества. Это – история восхождения к славе прекрасной Кристел Уайтт, история ее нежной и страстной любви, верности первому, еще полудетскому чувству, которое с годами становится лишь сильнее...

Содержание

1	4
2	32
3	63
4	89
5	108
6	113
7	120
7	128
8	137
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Даниэла Стил

Звезда

1

В утренней тишине Александровской долины уже начали перекликаться птицы, и солнце, медленно поднимающееся из-за гор, запустило свои золотые пальцы в светлеющее небо, окрасив его местами в пурпурный цвет. Листья на деревьях тихонечко перешептывались от малейшего дуновения легкого ветерка, и Кристел молча стояла в сырой траве, наблюдая, как прозрачное небо начинает розоветь. На мгновение птицы перестали петь, казалось, их тоже заворожила красота долины. Эти обширные, поросшие сочной травой поля, окруженные грядой неровных холмов, небольшие стада мирно пасущегося скота принадлежали ее отцу. Отцовское ранчо охватывало две сотни акров плодородной земли, на которой раскинулись поля пшеницы, ореховые рощи и виноградники, разгуливал племенной скот, приносящий основной доход семье Уайттов. Их ранчо существовало уже сотню лет. Кристел была просто влюблена в этот сказочный уголок природы. Казалось, она безмолвно беседует с духами, населяющими долину и известными только ей. Они были повсюду: и в высокой, шелестящей на ветру траве, и в лучике солн-

ца, нежно коснувшегося ее волос цвета спелой пшеницы. Девушка начала тихонько напевать. У нее были глаза цвета летнего неба, а ноги длинные и красивые; вдруг она сорвалась с места и побежала к реке, приминая босыми ступнями мокрую траву. Сидя на гладком сером камне и чувствуя, как ледяная вода омывает ее босые ноги, девушка продолжала наблюдать, как солнечный свет медленно окрашивает высящиеся вдали скалы. Она любила встречать восход солнца, любила бегать по полям и ощущать себя частью этой природы и в то же время существом живым, молодым и свободным. Это истинное наслаждение: сидеть на камне и петь в этой тишине раннего утра. Казалось, голос не принадлежит ей, он рвался наружу, наполнял тишину волшебным очарованием. Эта утренняя песня, которую мог слышать только Бог, казалось, имеет для Кристел особое значение.

На ранчо работники ухаживали за скотом, мексиканцы убирали пшеницу и виноград, за всем этим следил отец. Но среди них не было ни одного человека, который бы любил эту землю так искренне, как она или ее отец, Тэд Уайтт. Ее брат Джед, окончив школу, начал помогать отцу, но в шестнадцать лет ему больше нравились другие занятия: например, взять отцовский автомобиль и прокатиться с друзьями в Напу, которая была почти в часе езды от их родного Джим-Тауна. Он был симпатичным парнем, с такими же, как у отца, темными волосами. И так же прекрасно умел укрощать диких лошадей. Но ни в нем, ни в его сестре Бекки не было

и намека на ту лирическую красоту, которая в полной мере была присуща Кристел. Сегодня Бекки выходила замуж, и Кристел прекрасно знала, что их мать и бабушка уже хлопочут на кухне. Она слышала их голоса, когда сама тихо крадась по дому, чтобы убежать сюда и посмотреть, как из-за гор поднимается солнце. Она начала медленно переходить горную речку, чувствуя, как от ледяной воды, доходящей до бедер, немеют ноги и пощипывает коленки. В тишине летнего утра раздался ее громкий смех, когда она стянула через голову хлопчатобумажную ночную рубашку и бросила ее на берег. Она знала, что никто не сможет увидеть ее, грациозно стоящую посреди потока и даже не сознающую, как завораживающе она красива – юная Венера, выходящая из горной речки посреди Александровской долины. Издалека ее можно было принять за взрослую женщину, когда она, придерживая одной рукой на макушке длинные белокурые волосы, медленно опускалась и ледяная вода омывала каждый изгиб ее прекрасного тела. Только ее близкие и знакомые знали, как она молода. Незнакомцу она показалась бы вполне взрослой, восемнадцати – двадцатилетней женщиной с прекрасной фигурой. На мир она смотрела огромными голубыми глазами. Она весело зажмурилась, глядя на восходящее солнце, и в его лучах ее изумительное тело казалось вылепленным из нежно-розового мрамора. Но она не была женщиной, она была еще совсем ребенком, четырнадцатилетним ребенком. Только этим летом ей должно было испол-

ниться пятнадцать. Она рассмеялась, представив себе, как они будут искать ее, как зайдут в комнату, чтобы поднять с постели и отправить на кухню; как, обнаружив, что ее нет, разозлится сестра, а бабушка в раздражении зашамкает беззубым ртом. Как всегда, она опять сбежала от них. Это было ее любимым занятием: ускользнуть от повседневных обязанностей и убежать, затеряться где-нибудь на ранчо, пробираясь сквозь высокую траву, или спрятаться в лесу от зимнего дождя, или скакать без седла на лошади, напевая себе под нос, до самых холмов, посещать те укромные уголки, которые она примечала во время их с отцом длинных прогулок. Здесь она родилась, и однажды, когда она будет совсем старой, такой, как бабушка Минерва, и, может, даже еще старше, она умрет здесь. Она любила ранчо и эту долину всем сердцем, и эту любовь унаследовала от отца. Так же, как и он, она радовалась этой плодородной земле, сочной зелени, покрывавшей, словно ковром, весенние холмы. Она улыбнулась, заметив стоящего неподалеку оленя. Это ее мир, и для Кристел нет врагов в этом мире, нет никакой опасности и тайных страхов. Она сама часть этого уголка природы и ни на минуту не сомневалась, что ее здесь не может поджидать никакая опасность.

Все еще не отрывая взгляда от восходящего солнца, она медленно двинулась к берегу, легко ступая длинными ногами по острым камням, и, дойдя до своей ночной рубашки, подняла ее и легко надела через голову. Ткань тут же при-

липла к мокрому телу, а белокурые волосы рассыпались по спине. Жаль, но она знала, что ей пора возвращаться, ведь домашние наверняка уже в ярости. Мать уж точно нажаловалась отцу. А ведь вчера она помогала готовить двадцать четыре яблочных пирога, пекла хлеб, разделявала цыплят, следила за тем, как копятся семь окороков, и начиняла базиликом и грецкими орехами бесчисленное множество огромных сочных помидоров. Всю свою часть работы она сделала, теперь все, что ей оставалось, – беспокоиться и путаться у всех под ногами да еще слушать, как Бекки орет на брата. А для того чтобы принять душ, одеться и явиться в церковь к одиннадцати часам – на это у нее есть масса времени. Ее присутствие в доме вовсе не обязательно, им только кажется, что она нужна им. Ей гораздо больше хочется побродить по полям или поплескаться в горной речке этим солнечным утром. Воздух между тем уже начал прогреваться, а утренний ветерок почти стих. Да, для свадьбы сестры день просто отличный.

Она уже видела вдалеке их дом, когда услышала визгливый голос бабушки, зовущей ее с крыльца кухни: «Кри-исте-ел!» Ее имя, казалось, эхом отдается по всей долине, она засмеялась и помчалась к дому – длинноногая девочка с развевающимися за спиной волосами.

– Кристел!

Девушка приближалась к старой женщине, стоящей на крыльце кухни. Бабушка Минерва облачилась в черное пла-

тье, которое надевала всегда, когда ей предстояла большая работа на кухне. Поверх платья красовался чистый белый фартук. Ее губы гневно сжались, когда она увидела Кристел, вприпрыжку приближающуюся к дому в белой хлопчатобумажной ночной рубашке, прилипшей к мокрому телу. В движениях девушки не было ни капли жеманства или скованности, она вела себя непосредственно, как ребенок, совершенно не сознавая, насколько она красива. Она и была еще совсем ребенком, и, казалось, должна пройти вечность, прежде чем она почувствует себя женщиной.

– Кристел! Ты только посмотри на себя! Тебя всю можно разглядеть через эту ночную рубашку! Ты уже не маленькая девочка. Что, если кто-нибудь из мужчин тебя увидит?

– Но, бабушка, ведь сегодня суббота... и здесь никого нет. – Она посмотрела прямо в старое морщинистое лицо и улыбнулась широкой, открытой улыбкой, в которой не было ни тени раскаяния или смущения.

– Тебе, должно быть, самой стыдно, и вообще пора готовиться к свадьбе сестры, – укоризненно ворчала бабушка, вытирая руки о фартук. – Носишься по полям на рассвете, как дикая кошка. А между прочим, у нас тут полно работы, Кристел Уайтт. Зайди в дом и посмотри, чем ты можешь помочь маме.

Кристел улыбнулась и побежала вокруг широкого крыльца к окну своей спальни, в которое ей ничего не стоило влезть, а бабушка с грохотом захлопнула дверь и вернулась

на кухню помогать своей дочери.

Кристел, оказавшись в своей комнате, замерла на секунду, а потом, мурлыча что-то себе под нос, стянула ночную рубашку и небрежным движением забросила ее в угол, при этом ее взгляд упал на платье, которое она должна надеть на свадьбу: простое белое хлопчатобумажное платье с пышными рукавами и маленьким кружевным воротничком. Мать шила его сама и сделала все возможное, чтобы платье было как можно проще: никаких кружев, никаких украшений, которые могли бы подчеркнуть и без того ошеломляющую красоту дочери. Оно выглядело совсем по-детски, но Кристел ничего не имела против. Потом она сможет носить его в церковь. В Напе ей купили белые туфельки-лодочки, а отец привез пару капроновых чулок специально для нее. Бабушка, конечно, как всегда, начала неодобрительно ворчать, а мама сказала, что Кристел еще слишком мала, чтобы носить их.

– Она же еще совсем ребенок, Тэд. – Оливию ужасно раздражало, что муж так откровенно балует их младшую дочь. Отец всегда приносил ей сладости или привозил из Напы или Сан-Франциско какие-нибудь невероятные наряды.

– Ничего, пусть чувствует, что она особенный ребенок.

Кристел с самого рождения стала предметом его обожания. Каждый раз, когда он ее видел, у него начинало щемить сердце. Она была еще совсем крошкой, ее головку окружал ореол очень светлых волос, а ее глаза, казалось, заглядывали

прямо в его душу; ему всегда казалось, будто она хочет сказать что-то именно ему и никому другому. Ребенок с глазами, полными мечты, в ее облике было что-то завораживающее, что заставляло прохожих останавливаться и долго смотреть ей вслед. На нее всегда все смотрели. Кристел привлекала внимание людей не только своей красотой, но и чем-то другим, скрытым, казалось, в самой глубине ее души. Она не походила ни на кого из членов семьи, была совершенно особенной, а для отца была песней души. Именно он дал ей имя, когда впервые увидел малышку, которую Оливия прижимала к груди через несколько секунд после ее рождения. Чистая и прекрасная, Кристел. И это имя подходило ей как нельзя лучше, оно прекрасно гармонировало с ее ясными светлыми глазами и волосами платинового цвета. Даже ребяташки, с которыми она играла, будучи еще ребенком, понимали, что она не такая, как они, что она каким-то непостижимым образом отличается от них. Она была свободнее, естественнее, веселее, никогда не подчинялась тем правилам и запретам, которые пытались ей внушить домашние. С ней никто не мог сладить: ни нервная, вечно на что-то жалующаяся мать, ни сестра, которая была далеко не так красива, как Кристел, ни ее брат, который бесцеремонно издевался над младшей сестрой, ни даже грозная бабушка, переехавшая к ним, когда Кристел было семь лет и когда в Оризоне умер ее дедушка Ходгес. И только отец, казалось, понимал ее, только он видел, какая она замечательная, как диковинная птич-

ка, которой хозяин время от времени разрешает вылетать из клетки и парить в вышине над всем земным и обыденным. Можно было подумать, что он верил, будто это существо передано ему прямо из рук Господа. Ради нее он всегда готов был идти против правил: приносил ей небольшие подарки и всячески выделял ее, зачастую к великому раздражению всех домашних.

– Кристел! – За дверью раздался грубый голос матери. Кристел продолжала стоять посреди комнаты, которую она делила со своей сестрой почти пятнадцать лет. Прежде чем она успела ответить, дверь распахнулась и Оливия Уайтт остановилась на пороге, уставившись на нее гневным, осуждающим взглядом. – Почему ты стоишь в таком виде? – Дочь была ослепительно хороша в своей наготе, но как раз это и не нравилось Оливии. Ей не хотелось думать о ней как о женщине, женщине с невинными глазами ребенка. И сейчас взгляд этих глаз был обращен к матери, одетой в синее шелковое платье, в котором она собиралась пойти на свадьбу Бекки. Поверх платья, так же как и на бабушке Минерве, красовался белый фартук. – Оденься немедленно! Отец и брат уже встали! – Она пристально посмотрела на Кристел и еще плотнее прикрыла за собой дверь, как будто опасалась, что они оба стоят там, прямо за порогом, жаждущие взглянуть на голую Кристел. Честно говоря, отец восхищался ею как ребенком, он просто боялся увидеть в ней женщину, а Джед оставался совершенно равнодушен к потрясающей красоте сестры.

– О мамочка... – Она прекрасно понимала, как разозлилась бы мать, увидев ее несколько минут назад стоящую голышом посреди горного потока. – Но они же не станут заходить сюда. – Она улыбнулась и недоуменно пожала плечами. Но Оливия продолжала ворчать:

– Разве ты не знаешь, что у нас еще полно работы?

Сестре нужно помочь с платьем. Бабушке разделить индюшку и нарезать окорок. Будет от тебя когда-нибудь какая-нибудь польза, Кристел Уайтт? – Они обе прекрасно знали, что от Кристел всегда была польза. Правда, она с гораздо большим удовольствием работала не дома на кухне, а помогала отцу, занимаясь с ним чисто мужскими делами. Она охотно работала с ним на тракторе или пасла скот, когда на ранчо не хватало людей. Она была совершенно неумоима, когда во время ужасных бурь отыскивала и приводила домой заблудившихся телят. Она с невероятной нежностью относилась ко всем домашним животным. Но для ее матери это ничего не значило. – Одевайся, – повторила мать, а потом, взглянув на чистое белое платье, висевшее на двери кладовки, добавила: – Но надень свое синее хлопчатобумажное платье, пока мы не отправимся в церковь. А то, помогая бабушке, ты испачкаешь новое.

Мать наблюдала, как Кристел надела нижнее белье и натянула через голову старое синее платье. На какое-то мгновение она стала снова похожа на ребенка, но ее женственность была уже настолько очевидна, что ее невозможно было

скрыть даже под старым, вылинявшим платьем. Она еще не успела его застегнуть, когда дверь распахнулась и в комнату влетела Бекки, нервно жалуясь на брата. У сестры были каштановые волосы, такие же, как у матери, и широко посаженные карие глаза. Черты ее лица были правильные и ничем не выдающиеся, а фигура – высокая и стройная, почти такая же, как у младшей сестры, но в ней не было ничего от той притягательности, которой обладала Кристел. Ее высокий голос срывался на визг, когда она рассказывала Оливии, что Джек намочил все полотенца в единственной на ранчо ванной комнате.

– Я даже не смогла как следует вытереть волосы. Он делает это каждый день, мама! И я уверена, что он делает это специально!

Кристел молча смотрела на нее с таким видом, будто впервые повстречалась с ней. После того как они прожили бок о бок почти пятнадцать лет, две девушки больше походили на двух незнакомых людей, чем на родных сестер. Ребекка выдалась вся в мать: у нее был точно такой же характер, темные волосы и карие глаза, и она все время нервничала и на все жаловалась. Она выходила замуж за парня, которого любила, когда ей было столько же, сколько сейчас Кристел, и Бекки прождала его всю войну. И вот теперь, когда не прошло и года, как он вернулся целый и невредимый из Японии, она выходила за него замуж. В свои восемнадцать лет она все еще была девственницей.

– Мама, я ненавижу его! Я просто его ненавижу! – Ее длинные темные мокрые волосы прилипли к спине, а в глазах, гневно смотревших на мать и сестру, стояли слезы, когда она нещадно ругала Джеда.

– Ну ладно, ладно, с сегодняшнего дня ты больше не будешь жить с ним под одной крышей, – улыбнулась мать.

Накануне они со старшей дочерью долго бродили вокруг амбара, и мать объяснила ей, что нужно будет Тому от нее во время их первой брачной ночи в Мендочино. Бекки уже знала об этом из бесед со своими подругами, большинство из которых повыходили замуж несколько месяцев назад, сразу после того как их парни вернулись с Тихого океана. Для Тома было важно, прежде чем жениться, найти работу, а отец Бекки настоял, чтобы она сначала окончила школу. Пять недель назад она как раз и сделала это, и вот сегодня, солнечным днем в конце июня, должна была осуществиться ее мечта. Она станет теперь миссис Томас Паркер. Это звучало очень по-взрослому и немного пугающе. И, если честно, Кристел в душе не понимала, почему ее сестра выходит за этого парня. Ведь с Томом Бекки никогда не уедет дальше Буневилла. Теперь вся ее жизнь от начала до конца пройдет на этом ранчо, где она родилась и выросла. Кристел и сама очень любила ранчо, может быть, даже больше, чем кто-либо другой, и она бы очень хотела когда-нибудь поселиться здесь навсегда, но только после того, как увидит мир. Она мечтала увидеть другие места, другие уголки земли и узнать побольше людей,

кроме тех, в окружении которых выросла. Она прекрасно понимала, что мир огромен и этот кусочек земли, окруженный Маякамскими горами, вовсе не единственный на свете. На стене в ее комнате висели фотографии знаменитых кинозвезд: Греты Гарбо и Бетти Грейбл, Вивьен Ли и Кларка Гейбла. Вперемежку с ними там были цветные репродукции видов Голливуда, Сан-Франциско и Нью-Йорка, и однажды отец показал ей открытку с видом Парижа. Иногда она даже мечтала отправиться в Голливуд и сделаться кинозвездой. Но больше всего ей хотелось повидать те загадочные места, о которых они так часто шептались с отцом. Она понимала, что эти места – просто выдумка, но ей очень нравилось представлять их себе. И девушка всем сердцем сознавала, что она ни за что бы не хотела связать свою жизнь с таким человеком, как Том Паркер. Отец предложил ему работу на ранчо, потому что молодой человек не смог бы найти ее больше нигде. Сразу после школы он уехал в Перл-Харбор, чтобы поступить там на воинскую службу. И Бекки терпеливо ждала, писала ему каждую неделю. Иногда проходили месяцы, прежде чем она получала от него ответ. Он вернулся повзрослевшим и был напичкан всякими историями о войне. В двадцать один год он стал взрослым мужчиной, во всяком случае, Бекки считала его таким. И вот теперь, когда прошел год после его возвращения, они собирались стать мужем и женой.

– Почему ты до сих пор не одета? – Бекки неожиданно

повернулась и посмотрела на сестру, стоявшую босиком в старом синем платье, которое ей велела надеть мать. — Ты сейчас же должна одеться! — Было семь часов утра, в церковь же они должны были идти не раньше пол-одиннадцатого.

— Мама хочет, чтобы я помогла бабушке на кухне. — Кристел произнесла это спокойным голосом, совершенно непохожим на голос сестры или матери: глубоким, с хриплыми чувственными нотками, выдающими натуру девушки. Она любила петь, и ее песни были совершенно невинными, но голос наделял их страстью.

Бекки кинула мокрое полотенце на их общую кровать, которая все еще была не заправлена. Ведь Кристел рано утром убежала в поле, чтобы взглянуть на восход солнца.

— Кристел, заправь постель, — сказала Оливия строгим голосом: сама она хотела помочь Бекки уложить волосы. Мать сделала фату, которую старшая дочь должна будет надеть: маленькую корону из белого сатинового шитья с вшитыми в нее крошечными перламутровыми жемчужинами. К короне крепилось почти два метра прозрачного белого тюля, который Оливия купила в Санта-Розе.

Кристел разгладила простыни и встряхнула тяжелое стеганое одеяло, которое бабушка сделала специально для них уже несколько лет назад. Оливия сама простегала точно такое же в качестве свадебного подарка для Бекки. Его уже отнесли в тот маленький коттедж на ранчо, в котором они будут жить, как сказал отец, пока у них не появится возмож-

ность завести настоящий дом. Оливия радовалась, что дочь будет около нее, и Том тоже остался доволен, так как это избавляло его от необходимости платить за жилье, чего они с Бекки пока не могли себе позволить. По мнению Кристел, так Бекки вообще никуда не переезжала. Она будет жить меньше чем в полумиле от них, в доме, стоящем на обочине фунтовой дороги, по которой они с отцом очень часто ездили на тракторе.

Оливия тщательно расчесала волосы дочери, и женщины заговорили о Клиффе Джонсоне и его жене-француженке. Парень привез ее с войны, заявив, что это его фронтовая подруга. Бекки долго и упорно спорила с Томом по поводу того, приглашать или нет супругов на свадьбу.

– Она вовсе не такая уж и плохая, – впервые за целый год высказала Оливия свое мнение об иностранке, в то время как Кристел молча стояла в стороне. Кристел была всегда для них кем-то посторонним. Они никогда не допускали ее в свои беседы. Теперь девушка удивленно думала о том, что, если Бекки переедет из дома, станет ли ей мать уделять больше внимания и прислушиваться к тому, что она говорит? Вряд ли, скорее всего мать будет проводить все свое свободное время в коттедже у Бекки. – Она принесла тебе в подарок невероятно красивые кружева и сказала, что они достались ей от бабушки еще во Франции. Когда-нибудь потом ты сможешь сделать из них что-нибудь симпатичное.

Это были первые добрые слова, которые сказал кто-либо

в городе о Мирелле, с тех пор как она год назад появилась здесь. Эта женщина не была красавицей, но она держалась очень дружелюбно и отчаянно старалась влиться в местное общество, несмотря на явное неодобрение со стороны всех друзей и соседей Клиффа. Ведь в городке очень много девушек ждали парней, и вовсе не обязательно Клиффу было возвращаться с войны с женой-иностранкой. Но в конце концов, она-то хоть была белой. В отличие от девушки, которую другой парень, Бойд Вебстер, привез домой из Японии. Это был такой позор, что его семья так и не смогла смириться с этим. И никогда не смирится. И у Бекки с Томом дело чуть до размолвки не дошло, когда он заявил, что пригласит Бойда и его жену на свадьбу. Она плакала, кричала, негодовала, даже пыталась умолять его. Но Том был непреклонен, он сказал, что Бойд – его лучший друг, что они провоевали бок о бок четыре года и что, как бы ни глупо его решение жениться на этой девушке, он не собирается из-за этого отказываться от его присутствия на своей свадьбе. Мало того, он попросил Бойда быть его шафером, что чуть не свело Бекки с ума. Но в конце концов она уступила. Оказалось, что Том Паркер еще упрямее, чем его будущая жена. Никто, казалось, не мог смириться с присутствием Хироко, никто не хотел забывать, кто она такая с ее раскосыми глазами и блестящими, черными как смоль волосами. Каждый, видя ее, вспоминал о тех парнях, которые погибли во время войны в бассейне Тихого океана. Да, это просто позор и бесчестье. Тому она тоже не

навивалась, но Бойд – его самый лучший друг, и он не мог предать его. Тем более, как он считал, его друг уже сам давно поплатился сполна за то, что женился на японке. Когда он появился с ней в городке, никто не хотел давать ему работу и буквально все двери захлопывались перед их носом. В конце концов старый мистер Петерсен пожалел молодого человека и разрешил ему откачивать газ. Платил копейки, а Бойд, несомненно, заслуживал большего. Еще до войны он мечтал поступить в колледж, но теперь об этом не могло быть и речи. Сейчас он должен работать, чтобы прокормить себя и Хироко. Почти все жители городка думали, что после всего этого супруги отступятся и покинут эти места. Во всяком случае, очень многие надеялись на это. Но Бойд по-особенному, подобно Тэду Уайтту и Кристел, был влюблен в свою родную долину.

Кристел просто очаровала миниатюрная японка, когда она впервые появилась в городе в качестве жены Бойда. Доброта, деликатность, необыкновенная вежливость, мягкость и стеснительность, а также певучий акцент Хироко притягивали Кристел, словно магнитом. Но Оливия строго-настрого запрещала дочери общаться с ней, и даже отцу казалось, что для нее гораздо лучше держаться от супругов подальше. Есть некоторые вещи, по его мнению, в которые лучше не вмешиваться, но в эти дни Вебстеры будут среди них на равных.

– Ты долго еще собираешься стоять так, уставившись на свою сестру? – Оливия наконец-то вспомнила о присутствии

Кристел и заметила, что та стоит, наблюдая за ними. – Я еще полчаса назад велела тебе идти на кухню и помогать бабушке.

Не говоря ни слова, Кристел выскользнула из комнаты, бесшумно ступая босыми ногами, в то время как Бекки нервно продолжала говорить о своей свадьбе. На кухне Кристел обнаружила еще трех женщин, пришедших с соседних ферм, чтобы помочь их семье. Свадьба Бекки – первая свадьба за это лето, похоже, станет в их городке событием года. Гостей пригласили с ферм и ранчо, расположенных на многие мили вокруг. Ожидалось, что придет почти двести человек, и женщины работали не покладая рук, завершая последние приготовления к роскошному угощению, которое будет подано гостям сразу после венчания.

– Несносная девчонка, где ты ходишь? – заворчала на нее бабушка и указала ей на огромный окорок. К этому дню они зарезали несколько свиней и сами их приготовили. И вообще все, что будет подаваться на стол, выращено и приготовлено на их ранчо, все, даже вино, которое отец разливал сейчас в бутылки.

Кристел молча принялась за работу, но через несколько минут почувствовала довольно ощутимый шлепок по тому месту, которое расположено ниже спины.

– Отличное платье, Сис. Это папа привез его тебе из Сан-Франциско? – Конечно, это был Джед, который хитро смотрел на нее с высоты своего огромного роста. Парню испол-

нилось шестнадцать, он обожал всех дразнить и над всеми издеваться. На нем ловко сидели новые брюки, правда, чуть коротковатые, и белая рубашка, которую бабушка накрахмалила и выгладила. Он стоял босой и туфли держал в руках. Жилет и галстук небрежно перекинул через плечо. Последние несколько лет они с Бекки жили как кошка с собакой, но в этом году предметом его внимания все чаще стала становиться Кристел. Он схватил было сочный кусок окорока, но Кристел успела ударить его по руке.

– В следующий раз я отхвачу тебе пальцы, так что будь внимательнее. – Она замахнулась на него ножом, и это не очень-то походило просто на шутку. Вечно он издевается над ней. Он просто обожал дразнить и доводить ее. Обычно все кончалось тем, что она, не выдержав, пыталась ударить его, но ему ничего не стоило перехватить ее руку и отпустить ей совсем нешуточную пощечину. – Отстань от меня, пожалуйста... Почему бы тебе не поприслаивать к кому-нибудь другому, Джей? – Чаще всего она называла его Джей-хед. – А почему бы тебе не помочь?

– Ну, у меня есть занятие получше. Я должен помогать отцу разливать вино.

– Да... держу пари... – Кристел нахмурилась: как-то раз она видела, как он пил со своими друзьями. Она скорее бы умерла, чем нажаловалась отцу. Даже когда они ссорились с братом, между ними оставалось в силе некое соглашение. —

Надеюсь, что после этого гостям все-таки хоть что-нибудь

останется?

– Надеюсь, ты не забудешь надеть туфли. – Он снова шлепнул ее, а она, отбросив нож, попыталась схватить его за руку, но слишком поздно: он уже выбежал в коридор и направился, насвистывая, к своей комнате. Вдруг он на секунду остановился у двери комнаты, просунул туда голову и увидел сестру, стоящую посреди комнаты в лифчике и трусиках, застегивающую пояс для чулок. – Послушай, крошка... О! – Он издал разбойничий свист, а Бекки разразилась совершенно идиотским визгом.

– Уберите его отсюда! – закричала она и запустила в брата щеткой для волос, но тот успел захлопнуть дверь, прежде чем она долетела до него. Это были совершенно нормальные, повседневные звуки, создававшие на ранчо даже своеобразный уют, и никто на кухне не обратил на них внимания, тем более что в это время на кухню зашел Тэд Уайтт, в темно-синем костюме, почти одетый для свадебной церемонии. От него так и веяло уверенностью, спокойствием и каким-то теплом. Когда-то давно его семья была очень богата, но потом, много лет назад, еще до Депрессии, они потеряли почти все. Они продали тысячи акров земли, но именно Тэд сумел повести дело так, что ранчо снова приносило доход. Он трудился не покладая рук, и рядом с ним была Оливия. Но все-таки, перед тем как жениться на ней, он успел немного посмотреть мир. И именно об этом он и рассказывал Кристел во время их совместных длинных прогулок, когда они укры-

вались в лесу от дождя, или зимой, когда они, сидя в хлеву, ждали, когда отелится корова. Он рассказывал ей о том, что уже давным-давно прошло и было почти забыто.

– Ты знаешь, девочка, мир такой огромный... и в нем так много красивых мест... Правда, многие из них нисколько не красивее, чем это... но все равно их стоит посмотреть.

Он рассказывал ей о Новом Орлеане, и о Нью-Йорке, и даже об Англии. Если его слышала Оливия, она требовала, чтобы он не забивал голову Кристел всякой ерундой. Сама Оливия за всю свою жизнь не уезжала дальше Саусвеста, да и он-то казался ей чуть ли не заграницей. И двое ее старших детей вполне разделяли ее точку зрения. Для счастья вполне достаточно этой долины и тех людей, которые жили в ней. И только Кристел мечтала о чем-то большем и постоянно думала о том, сможет ли она увидеть мир или нет. Конечно, она тоже любила эту долину, но в ее душе был уголок, в котором, как она понимала, должно было поместиться еще что-то. Подобно отцу, она страстно обожала этот кусочек мира, и, подобно отцу, она мечтала о незнакомых городах и странах.

– Как моя девочка? – Тэд Уайтт не спеша шагнул к ней и гордо взглянул на свою младшую дочь.

В стареньком линялом платье, Кристел притягивала к себе его взгляд, ее красота ошеломила его. Он не в состоянии был скрывать это. Он благодарил Господа, что это не она выходит замуж. Он знал, что не вынес бы этого. И уж конечно, он не позволил бы ей выйти замуж за парня, подобного Тому

Паркеру. А вот для Бекки этот парень как раз то, что надо. Бекки ни о чем не мечтает... и в душе у нее нет небес, с которых она хватала бы звезды, и сердце ее не наполняют романтические грезы. Она хочет иметь мужа и детей и жить в коттедже на ранчо с таким обыкновенным парнем, как Том, который несколько не честолюбив, а желания его очень скромные, вот это и надо его старшей дочери.

– Привет, пап. – Кристел взглянула прямо в глаза отцу и ласково улыбнулась. Им не были нужны слова, они разговаривали на языке любви.

– Мама сшила тебе к сегодняшнему дню красивое платье? – Он хотел, чтобы у нее тоже было красивое платье, он всегда этого хотел. Улыбнувшись, он вспомнил чулки, которые подарил Кристел, чтобы она надела их на свадьбу, хотя Оливия и заявила, что это глупо.

Он пристально смотрел на дочь, и она кивнула. Платье вполне симпатичное. Конечно, не такое, что показывают в кино. Это простое платье. Белое симпатичное платье. Однако главным украшением будут капроновые чулки, но, может быть, они не очень подойдут. Тэд прекрасно знал: что бы ни надела его дочь, на ней это будет смотреться просто великолепно.

– А где мама? – Он уже огляделся по сторонам и заметил, что в кухне только теща, три подруги его жены и Кристел.

– Она помогает Бекки с платьем.

– Уже? Оно же все пообтреплется, пока мы доберемся до

церкви. — Они опять обменялись понимающими улыбками, и им показалось, что день стал теплее, а на кухне прибавилось свету. — А где Джек? Я ищу его целый час. — Произнося эти слова, он совсем не выглядел сердитым, его было не так-то просто вывести из себя. Тэд обожал всех своих детей.

— Он сказал, что собирается помочь тебе с вином. — Кристел опять улыбнулась, и их глаза снова встретились. Она предложила ему кусочек окорока, который минуту назадхватила из рук брата.

— Похоже, он собирается мне помочь его выпить. Они оба рассмеялись, и отец направился по коридору в сторону спальни Джеда. Он прекрасно знал о страсти сына к машинам. Сын не любил ранчо, так что единственным человеком, который действительно понимал его жизнь и кто любил землю так же, как любил ее сам Тэд Уайтт, была Кристел. Он прошел мимо спальни, где Бекки одевалась с помощью матери, и постучался в дверь комнаты сына.

— Пошли, сынок, сможешь поставить столы. Да и вообще еще полно работы. — Они должны были поставить на улице длинные столы и покрыть их белыми льняными скатертями, оставшимися еще со свадьбы его собственной матери, а тому уже полвека. Гости будут есть под тенью огромных деревьев, посаженных вокруг дома.

Тэд Уайтт заглянул в комнату сына и увидел, что Джек лежит на кровати, рассматривая журнал, полный женских фотографий.

– Осмелюсь оторвать тебя от дела, сынок, но мне нужна твоя помощь.

Джед, нервно улыбаясь, вскочил на ноги, галстук у него съехал набок, он приглаживал волосы, обильно смазанные бриолином, который он купил в Напе.

– Да, конечно, папа, извини.

Стараясь не испортить аккуратной прически сына, отец покровительственно обнял его за плечи. Ему казалось таким странным, что одна из его дочерей выходит замуж. Для него они оставались маленькими... Он прекрасно помнил, как Джед учился ходить... бегал за цыплятами... вывалился из трактора, когда ему было четыре года... потом, когда ему было семь, Тэд учил его водить этот самый трактор... брал его с собой на охоту, когда мальчишка был чуть выше ружья... И ведь Бекки совсем не намного старше его, а вот сегодня выходит замуж.

– Прекрасный день для свадьбы твоей сестры. – Он посмотрел на небо и улыбнулся сыну, показывая ему и еще трем работникам с ранчо, куда ставить столы. В их распоряжении час, чтобы все успеть. Затем они с Джедом отправились на кухню за выпивкой, Кристел там уже не было, как не было никого из женщин. Они все столпились в комнате Бекки и Кристел, восхищаясь платьем невесты, вздыхая и закатывая глаза, видя Бекки во всем этом великолепии из газа и белых кружев. Она была красивой невестой, как, впрочем, большинство девушек, и все женщины суетились вокруг

нее, желая ей счастья и давая тонкие советы по поводу первой брачной ночи, пока она вдруг не вспыхнула и не повернулась к Кристел, спокойно надевающей свое простенькое белое платье в углу комнаты. В платье не было ничего особенного, но, несмотря на простоту, оно непостижимым образом только подчеркивало красоту девушки. Блестящие капроновые чулки оказались весьма кстати, а туфли без каблучков нисколько не делали ее ниже. И когда все повернулись и посмотрели на нее, стоящую тихо в углу, с ореолом светло-золотых волос с вплетенными в них нежными белыми розами, она показалась им ангелом. По сравнению с ней Бекки выглядела разодетой куклой, слишком нарядной и далеко не такой очаровательной. Казалось, что Кристел переживала то единственное мгновение, когда она должна вот-вот перестать быть ребенком и стать женщиной, в ней не было ни капли кокетства, никакого обмана, ничего грубого или вульгарного, а только нежная мягкость потрясающей красоты.

– Отлично... Кристел тоже хорошо выглядит, – сказала одна из женщин, как бы пытаясь обыкновенными словами приуменьшить ее великолепие, но сделать это оказалось невозможно. Окружающие ее люди не могли отвести взгляд от ее плавных движений и необыкновенного лица под венчиком нежно-белых роз. У Бекки в руках тоже был огромный букет роз, и женщины в комнате в конце концов заставили себя повернуться к невесте и продолжить восхвалять ее. Но это восхищение уже не было искренним. Совершенно очевидно, что

красавица не она, а Кристел.

– Ну, нам пора двигаться, – наконец сказала Оливия и повела всех во двор, где их уже ждали Тэд с Джемом. Чтобы доехать до церкви, заказали несколько машин. На свадебную церемонию пригласили немногих, все гости прибудут на ленч.

Тэд наблюдал, как женщины спускаются с крыльца, смеясь и болтая, как молодые девчонки. Это напомнило ему день собственной свадьбы. Оливия тогда выглядела просто потрясающе в свадебном платье, доставшемся от ее матери. Ему показалось, что с тех пор прошла целая вечность. Сейчас она выглядела такой уставшей и изможденной и совсем не походила на ту его невесту. Жизнь прошла в трудах. Депрессия разрушила очень многие хозяйства, но теперь все позади. Дела на ранчо идут прекрасно, все их дети уже почти взрослые, они живут спокойно и счастливо в уютном мирке своей уединенной долины. И вдруг у него перехватило дыхание – он увидел стоявшую на крыльце Бекки; она выглядела застенчивой и в то же время гордой; фата, как облако, закрывала лицо, а руки, сжимавшие букет роз, слегка дрожали. Она была просто очаровательна, и он почувствовал, как на глаза ему наворачиваются слезы.

– Правда, она как картинка, Тэд? – гордо прошептала Оливия, видя, какое впечатление произвела на него старшая дочь. Все эти годы она старалась, чтобы муж обращал на Бекки побольше внимания, но в сердце у него жила только Кри-

стел... Кристел с ее дикими повадками и грациозностью, он был просто без ума от нее. Но вот теперь наконец-то он обратил внимание и на красоту Бекки.

– Ты просто прекрасна, дорогая. – Он нежно, сквозь фату, поцеловал дочь в щеку и ласково стиснул ей руку, у обоих в глазах стояли слезы. Они направились к машинам, чтобы проводить невесту в церковь, где она станет миссис Томас Паркер. Это знаменательный день для них всех, а особенно для Бекки, но, когда Тэд спешно обходил машину, чтобы открыть дверцу, он вдруг увидел младшую дочь и замер, почувствовав, как что-то кольнуло его в самое сердце, совсем как тогда, когда он увидел ее в первый раз. Стоя в стороне, как пугливый олененок, в простом белом платье, растерянная, застенчивая, Кристел смотрела прямо на него, и казалось, что солнце запуталось у нее в волосах, а в глазах отражалась голубизна неба. У него никогда ни на минуту не возникало сомнений в том, что она для него значит: она была, есть и будет для него всем в его жизни. Она тоже замерла всего на мгновение, и они улыбнулись друг другу. Находясь рядом с отцом, она всегда чувствовала себя надежно и уверенно и ни на минуту не сомневалась в его любви к ней. Он улыбался, глядя, как его младшая дочь подошла к машине, в которую Джек как раз усаживал бабушку, и вдруг Кристел резким движением бросила ему одну из своих белых роз, и он с веселым смехом поймал ее. Да, это был день Бекки, и Оливии вовсе не обязательно напоминать ему об этом, но

Кристел оставалась для него тем, кем она была. И она значила для него все. Она – единственная и неповторимая. Она просто... Кристел.

Простая приятная свадебная церемония состоялась в маленькой церкви Джим-Тауна, где жених с невестой давали друг другу клятву верности. Бекки выглядела красивой и гордой в платье, которое ей сшила мать, а Том слегка нервничал и казался совсем юным в новом синем костюме, который он купил специально ко дню свадьбы. Его шафером был веснушчатый медноволосый Бойд Вебстер. И Тэд, сидевший на скамье в первом ряду и наблюдавший за церемонией, думал о том, как все-таки они все молоды, почти дети.

Кристел была единственной подружкой невесты. Стоя сбоку от молодых, она застенчиво смотрела на Бойда и изо всех сил старалась не бросать восхищенные и любопытные взгляды на задний ряд скамеек, где сидела его жена. Хироко надела простое шелковое зеленое платье, нитка жемчуга мерцала на шее, а на ногах – простенькие черные кожаные туфельки. Она старалась одеваться по-западному, хотя Бойду нравилось, когда она носила кимоно. Во время их свадьбы в Японии на ней было свадебное кимоно, и она была похожа на куколку с традиционным украшением в волосах. В руках Хироко держала золотой кинжал и маленькую парчовую сумочку, в которую все бросали зерно, а вокруг талии – яркий шелковый широкий пояс. Теперь все это забыто, потому что сейчас существовала только Бекки, ее родные и близ-

кие, наблюдавшие за тем, как она становится женой Тома. Том поцеловал невесту, что развеселило Джеда и заставило Оливию смахнуть слезы кружевным платочком, который сохранился у нее еще со времени ее собственной свадьбы. Все прошло прекрасно, и участники церемонии постояли немного на улице возле церкви, весело болтая друг с другом и не переставая восхищаться невестой. Шафер похлопал по спине сияющего от счастья новоиспеченного мужа, в то время как все пожимали друг другу руки, целовались и радовались, что все так быстро и хорошо закончилось. Джек швырнул в молодых полную горсть риса, когда они шли к машине, чтобы в сопровождении гостей вернуться на ранчо Уайттов, где они должны были разделить с друзьями и близкими великолепный свадебный обед, который Оливия, Минерва и еще несколько соседок готовили в течение четырех дней.

Как только они приехали домой, Оливия отправилась на кухню и тут же начала давать распоряжения рабочим, чтобы они носили подносы и блюда с едой и расставляли их на столы, накрытые на улице. Их жен специально наняли обслуживать гостей, убирать и мыть посуду, после того как все закончится. Вскоре столы просто ломились под тяжестью блюд, поток которых казался бесконечным: индюшки, каплуны, жареное мясо, ребра и окорока, коровий горох, сладкие помидоры, овощи и салаты, холодец и фаршированные яйца, домашнее печенье и конфеты, сладкие пироги с ягодами и фруктами и, наконец, огромный белый свадебный торт,

стоящий отдельно на специальном столике. Еды хватило бы, чтобы накормить целую армию. Тэд помогал рабочим открывать вино, Том стоял в стороне и улыбался, глядя на свою невесту. Из-за его плеча, застенчиво улыбаясь, выглядывал Бойд. Бойд был симпатичным парнем с открытым сердцем и добрыми глазами, он просто обожал семью Уайттов. Его сестра Джинни ходила вместе с Бекки в школу, и он помнил Джеда и Кристел, когда они были еще совсем маленькими, хотя сам был не намного старше. Но в свои двадцать два года, четыре из которых он провел на войне, ему казалось, что он старше их на целую жизнь.

— Ну вот, Том, наконец-то и ты совершил это. Ну, как ты себя чувствуешь в роли женатого мужчины? — весело усмехаясь, спросил его Бойд Вебстер, и Том, оглянувшись, посмотрел на него, несколько не скрывая, как он доволен. То, что он стал теперь членом семьи Уайттов, было для Тома Паркера очень важным событием в жизни. Заглядывая вперед, он рассчитывал, живя на ранчо, что станет если и не полноправным его хозяином, то хотя бы частично будет владеть им. Уже несколько месяцев Тэд готовил его к этому, показывая ему амбары, скотные дворы и винные погреба. Сбор грецких орехов считался самым недоходным делом на ранчо, но и это было вовсе не простым трудом. И когда наступал сезон, все работники занимались сбором и обработкой грецких орехов, так что все ходили с черными руками. Но для начала они решили, что Том будет помогать тестю управляться

в винных погребах.

– О, держу пари, что тебе все это по душе, – поддразнил Тома один из его друзей, указывая рукой на огромные тарелки с окороками и индюшками. – Ты, кажется, будешь у них дегустатором вин, так, Том?

Жених счастливо рассмеялся в ответ, его глаза блестели чуть ярче обычного. Бекки тем временем стояла, хихикая, в центре группы подружек, с которыми она училась в школе. Большинство из них уже были замужем. Когда кончилась война и парни стали возвращаться в свой родной город, а девушки как раз закончили школу, в долине было сыграно больше дюжины свадеб. Все это было еще год назад, и многие из молодых уже успели обзавестись детьми. Теперь подруги, окружавшие Бекки, весело поддразнивали ее, просящая по вопросу беременности: «Тебе не придется долго ждать, Бекки Уайтт... не успеешь оглянуться... пройдет всего месяц, ну, может, два, и ты будешь уже ждать ребенка!» Девушки продолжали веселиться, в то время как машины и экипажи с гостями все прибывали, появлялись все новые соседи, одетые в праздничные наряды, многие с детьми, которым они постоянно делали замечания, объясняли, как надо себя вести, предостерегали их, чтобы те не испачкались, бегая с друзьями между столами. Не прошло и часа, как празднично разодетая, весело желающая счастья жениху с невестой толпа, состоящая из двухсот с лишним гостей, разместилась вдоль длинных столов, полных угощения. Кро-

ме взрослых, прибыли еще сто детишек. Те, что помладше, старались держаться около родителей, грудные – на руках, несколько маленьких мальчиков сидели на плечах у отцов, а остальные, постарше, отделились и на некотором расстоянии от накрытых столов организовали свою компанию, где весело носились и играли, совершенно не обращая внимания на замечания и предостережения родителей. Мальчишки затеяли игру в саду, самые отчаянные лазали по деревьям, а девочки стояли в стороне, разбившись на группки, весело болтали и смеялись. Некоторые из них по очереди качались на качелях, которые Тэд смастерил уже давно для своих детей. Время от времени кто-нибудь из детей храбро присоединялся к толпе взрослых. Родителей устраивало, что дети рядом, но не путаются под ногами, а дети радовались, что родители слишком заняты, общаясь друг с другом, и не обращают особого внимания на них.

Кристал, как обычно, стояла с краю в группе старших девочек, никто не обращал на нее внимания, разве что иногда она ловила на себе взгляды, полные либо откровенной зависти, либо восхищения. Девочки всегда смотрели на нее ревниво, а мальчики ее возраста бывали обычно просто заморожены ею, но выражали это немного странно: например, могли толкнуть, или ударить ее, или схватить за длинные белокурые волосы, некоторые даже притворялись, что собираются ее побить. Все эти действия должны были привлечь ее внимание, но никто из них никогда не пытался заговорить с

ней. А девочки так вообще никогда с ней не разговаривали. Ее вид почему-то пугал их. Она отошла в сторону расстроенная и обескураженная, не понимая, почему так происходит. Это цена, которой она расплачивалась за свою красоту. Она принимала такое к себе отношение как должное, но никак не могла понять – почему. Когда у нее хватало смелости, она отвечала на пинки и толчки мальчишек и могла даже задать хорошую трепку, если кто-нибудь уж больно надоедал ей. Но это был и оставался единственный пока способ ее общения с ними. Большую же часть времени они не обращали на нее внимания. Она знала их всех, знала очень хорошо с самого рождения, но в последние несколько лет их отношения изменились, она стала для них совершенно чужой. Дети, так же как и их родители и другие взрослые, начали понимать, как завораживающе, невероятно она красива. Но ни те, ни другие не знали, как вести себя с ней. Эти люди – простые фермеры – считали, что она сильно изменилась за последний год. И это лучше всего почувствовали парни, которые были на войне. Вернувшись домой после четырехлетнего отсутствия, они все были просто поражены, увидев, какой стала Кристел. Милая девчушка превратилась в красавицу. Какой же она станет в восемнадцать?! Но самое поразительное, что она все еще так и не осознавала, какое впечатление производит на окружающих ее мужчин. Она вела себя спокойно и естественно, как если бы еще была маленькой девочкой. Ну разве что стала еще более застенчивой, видя, как окружаю-

щие внезапно переменились к ней. Она не понимала почему. И только ее брат, как всегда, дразнил и издевался над ней все с той же грубостью. И эта ее наивность и непонимание своей красоты делали ее настолько желанной для мужчин, что отец, который это прекрасно видел, уже два года назад запретил ей крутиться среди рабочих на ранчо. Он не хотел, чтобы они пялили на нее глаза, не хотел, чтобы Кристел, сама того не сознавая, спровоцировала бы кого-нибудь из них. Ее манера мягко и бесшумно двигаться оказывала на рабочих эффект больший, чем если бы она появилась среди них голой.

Но сейчас он не волновался за свою младшую дочь, он был занят беседой о политике, спорте, ценах на виноград и другими местными сплетнями. Для их семьи это был счастливый день, и все его друзья ели, пили, болтали и смеялись, а чуть поодаль играли их дети. Кристел наблюдала за ними.

Хироко тоже стояла в стороне ото всех, под тенью большого дерева, одинокая и печальная, ни на минуту не отрывая взгляда от своего мужа. Бойд и Том в окружении еще нескольких друзей делились воспоминаниями о войне. Им казалось невероятным, что война кончилась больше года назад. Она осталась для каждого из них частью жизни, со всеми ее ужасами и неожиданностями, с друзьями, которых каждый из них приобрел, и с теми, кого они все потеряли. А теперь только Хироко, стоявшая здесь же, была для них живым напоминанием о том, где им пришлось побывать и что дове-

лось пережить. Все бросали на нее явно враждебные взгляды, и ни одна из женщин так и не приблизилась к ней. Даже ее золовка Джинни Вебстер старательно избегала встречи с ней. Джинни надела облегающее розовое платье с глубоким вырезом на полной груди, а сверху накинула короткий, под цвет платья жакет в белый мелкий горошек. Сзади на платье чуть ниже спины красовался волан. Она хохотала гораздо громче, чем остальные девушки, и заигрывала почти со всеми друзьями Бойда. Это началось еще тогда, когда они оба учились в школе и брат приводил одноклассников домой. Джинни всегда пыталась соблазнить их. Она производила впечатление на мужчин, но ее красота отличалась от красоты Кристел. С рыжими волосами, в облегающем платье и с яркой косметикой на лице, она выглядела сексуально. Уже несколько лет она знала, что такое любовь, и мужчинам нравилось обнимать ее за плечи, заглядывать в глубокий вырез платья, разглядывать красивую полную грудь. Это возбуждало приятные воспоминания. С тех пор как Джинни исполнилось тринадцать, ее все время окружали поклонники.

– Что это у тебя там, Джинни? – Жених бочком приблизился к ней, от него пахло чем-то более крепким, чем то вино, которым Тэд угощал гостей. Несколько мужчин пили виски в конюшне, и Том, как всегда, не замедлил присоединиться к ним. Он смотрел на нее с явным интересом и позволил себе обнять девушку. Его рука скользнула ей под жакет. Джинни держала в руках букет невесты, но Тома инте-

ресовали явно не цветы. Он откровенно смотрел на вырез ее платья. — Что, решила поддержать букет? Уверен, ты будешь следующей невестой. — Он хрипло рассмеялся, обнажив красивые зубы в улыбке, которая несколько лет назад покорила сердце Бекки. Но Джинни знакома была не только улыбка Тома, и для некоторых это не было секретом.

— Обещаю тебе, Том Паркер, что я вот-вот выйду замуж, — хихикнула она, и жених притянул ее еще ближе к себе, в то время как Бойд вспыхнул и отвернулся от сестры и друга и встретился взглядом со своей миниатюрной женой, стоявшей поодаль и наблюдавшей за ними. Глядя на нее, Бойд почувствовал угрызения совести. Он очень редко оставлял ее одну, но сегодня, будучи шафером Тома, не мог уделить ей должного внимания. Пока Джинни с Томом любезничали, он тихонечко отошел от них и направился к Хироко. Увидев, что он приближается, она улыбнулась, и Бойд почувствовал, как сжимается его сердце. Это происходило каждый раз, когда он смотрел в мягкие глаза жены. Она полюбила его там, за много миль от дома, и здесь, в его родной долине, ни на минуту не предавала его. Ему очень тяжело было видеть, как недобро окружающие относятся к ней. Друзья предупреждали его еще в Японии, но он не верил, что они окажутся так правы. Все двери захлопнулись перед их носом. Ему не раз приходила в голову мысль уехать отсюда, но здесь был его дом, и он не собирался отсюда бежать, что бы ни делали или ни говорили про них окружающие. Единственное, что его

беспокоило, – это Хироко. Женщины очень жестоко отнеслись к ней, а мужчины еще хуже. Они называли ее не иначе как «обезьяна» или «япошка», и даже дети не разговаривали с ней, наученные своими родителями. Это так не похоже на те отношения, которые были в ее семье в Японии.

– С тобой все в порядке? – Он улыбался, глядя на нее; а она наклонила голову и кивнула, а потом подняла глаза и посмотрела на него тем застенчивым взглядом, от которого у него всегда начинало щемить сердце.

– У меня все прекрасно, Бойд-сан. Это очень красивый праздник. – Он рассмеялся, как она подобрала слова, а она немного смутилась, но потом усмехнулась: – А что, нет?

– Да. – Он нагнулся и поцеловал ее. Плевать ему, кто там на них смотрит. Она его жена, и он ее любит, и пошли все к черту, если не могут этого понять. Его рыжие волосы и веснушки резко контрастировали с ее медной гладкой кожей и черными как смоль волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке. Она вся такая простая, чистенькая и хорошенькая. Когда в Японии они сообщили, что собираются пожениться, ее семья была шокирована не меньше, чем его. Ее отец запретил ей вообще встречаться с Бойдом, но в конце концов, видя доброту и мягкость молодого человека и его явную любовь к девушке и несмотря на свое нежелание и слезы матери Хироко, смирился и разрешил им пожениться. В своих письмах к родителям Хироко ни словом не обмолвилась о том жестоком отношении, с которым столкнулась

в Александровской долине. Она описывала им домик, в котором они жили, и красоты окружающей природы, рассказывала о своей любви к Бойду простыми и мягкими словами. До приезда в Америку она не знала ничего об огромных японских кладбищах, возникших во время войны, и о той ненависти и презрении, с которыми ей пришлось столкнуться в Калифорнии.

– Ты поела? – Он почувствовал себя виноватым, сознавая, что оставил ее одну на очень долгое время. Он понял, что она вообще ничего не ела. Она была слишком застенчива, для того чтобы приблизиться к одному из столов, окруженных гостями.

– Я не очень голодна, Бойд-сан. Это правда.

– Сейчас я тебе что-нибудь принесу.

Она уже начала привыкать к западной пище, хотя пристрастие к японской кухне сохранила. Но Бойд полюбил эту еду еще в Японии, и она готовила все, чему ее когда-то научила мать.

– Я сейчас вернусь. – Он снова поцеловал ее и поспешил к столам, все еще ломившимся под тяжестью еды, приготовленной Оливией и ее матерью. Когда он направился обратно с полной тарелкой для жены, он вдруг остановился и застыл, не веря своим глазам. Все еще держа в руках тарелку с едой для Хироко, он ринулся к высокому темноволосому человеку, который как раз пожимал руку Тому Паркеру. Он стоял чуть поодаль ото всех остальных гостей. На нем были

темно-синяя рубашка, белые брюки, на шее – ярко-красный галстук; его окружала особенная аура, которая выдавала в нем пришельца совсем из другого мира, мира, который находится далеко за пределами долины. Он был старше Бойда всего на пять лет. Он сильно изменился, но тогда, на Тихом океане, они были очень близкими друзьями. Спенсер Хилл – его с Томом старший офицер, он даже приезжал на его с Хироко свадьбу в Киото. Бойд, широко улыбаясь, приближался к нему, в то время как Спенсер пожимал руку Тому и желал ему счастья; он выглядел загоревшим и уверенным в себе, таким же уверенным, как и в Японии. Впрочем, Спенсер чувствовал себя легко и свободно везде, казалось, его темно-синие глаза видят и замечают все вокруг. В следующую секунду он рассмеялся, заметив Бойда Вебстера.

– О, черт возьми!.. Это опять ты! Мальчишка с веснушками! Как Хироко? – Бойда тронуло, что Спенсер помнит имя его жены, он опять улыбнулся и махнул рукой в сторону деревьев, под которыми стояла Хироко.

– Нормально. Но, Боже мой, капитан, сколько мы не виделись... – Их глаза встретились, и оба они вспомнили ту боль и страх, которые пережили когда-то вместе. Между ними возникла близость, которая не вернется уже никогда. Эта близость была рождена печалью и переживаниями, ужасом и радостью победы. Но победа казалась теперь лишь крошечным эпизодом по сравнению с тем, что оба они пережили за четыре долгих года до нее. – Пойдемте, поздоровайтесь с ней.

Спенсер извинился перед парнями. Том пребывал в прекрасном настроении, ему очень хотелось снова заглянуть в конюшню, чтобы еще раз подкрепиться виски.

— Как ты поживаешь? Я, честно говоря, удивился, увидев тебя здесь. Я думал, что вы оба переехали в город. — Спенсер часто думал о том, что для них обоих лучше бы жить где-нибудь в Сан-Франциско или Гонолулу, но Бойд твердо решил, что вернется домой в родную долину, о которой он так часто вспоминал и рассказывал.

Глаза Хироко удивленно раскрылись, когда она увидела Спенсера. Она наклонила голову, приветствуя его. Улыбаясь, Спенсер подумал, что она все такая же маленькая и скромная, как и год назад, когда он видел ее последний раз на ее с Бойдом свадьбе. Но в глазах у молодой женщины появилось что-то новое, он заметил там мудрость и печаль, которых не было год назад. Он без труда определил, что этот год не был для нее ни счастливым, ни легким.

— Ты прекрасно выглядишь, Хироко. Я очень рад видеть вас обоих.

Он нежно взял ее за руку, и она вспыхнула, не смея даже взглянуть на него, в то время как Бойд наблюдал за ними. Капитан в свое время был очень внимателен к ним обоим. Он сделал все, чтобы удержать их от женитьбы, но в конце концов он встал на сторону Бойда, потому что знал всех своих людей. Его подчиненные могли обратиться к капитану с любым вопросом. Он был сильным, образованным и добрым,

но в то же время безжалостным к тем, кто подводил его, что случалось очень редко. В их роте всего несколько человек не старались подражать ему. И он делал все возможное, чтобы, сражаясь с ними бок о бок, выиграть войну. Он всегда оставался для них примером, был неутомим в бою. Теперь же видеть его было удивительно, ведь война кончилась, и они находились в другой части света, и вокруг был мир, хотя никто из них ничего не забыл.

– Сто лет прошло, правда? – Капитан встретился взглядом с Бойдом и заметил, что в глазах молодого человека появилось новое выражение. Из них исчезло то чувство постоянной боли, которое было во время войны, но зато он заметил мудрость и бремя лет, как будто с момента их последней встречи действительно прошла целая вечность. Сам же капитан и без формы выглядел стройным, красивым и, казалось, даже помолодевшим с того дня, когда Бойд, улетаая из Японии в Сан-Франциско, видел его в последний раз.

– Я не знал, что вы сегодня окажетесь здесь. – Бойд произнес эти слова спокойно, но капитан даже представить себе не мог, как Бойд рад его видеть. Ведь он – первый человек, который сам ласково заговорил с Хироко с тех пор, как они в сентябре приехали в Калифорнию. – Том мне ничего не сказал.

– Должно быть, его мысли слишком заняты невестой. – Спенсер улыбнулся широкой, добродушной улыбкой. – Я написал ему и сообщил, что постараюсь приехать, но не был

уверен в этом. Несколько дней назад все решилось, и я смог приехать. Как выяснилось, мне надо вернуться в Нью-Йорк. А я ведь никогда не предполагал, что захочу покинуть Калифорнию. – Он посмотрел вокруг, а Бойд в это время протянул тарелку с едой Хироко, настаивая, чтобы она что-нибудь съела, но женщину гораздо больше интересовал их друг, поэтому она аккуратно поставила тарелку на пенек позади себя.

– Вы здесь в отпуске, сэр? – Глаза Бойда выражали восхищение и уважение.

Спенсер отрицательно покачал головой и весело рассмеялся:

– Нет, не в отпуске, и ради Бога, Вебстер, мое имя Спенсер, или ты забыл об этом?

Бойд Вебстер моментально покраснел, он всегда краснел, даже в самый разгар сражения. По этому поводу командир давал ему множество самых разных кличек, и сейчас, вспомнив об этом, они оба весело рассмеялись.

– Я подумал, а вдруг ты отдашь меня под трибунал, если я назову тебя по имени?

Хироко улыбаясь смотрела на них, это напоминало ей те счастливые времена, когда они были далеко, очень далеко отсюда, она была дома, в своей стране, и никто не называл ее «чужаком».

– Веришь или нет, но я опять пошел учиться. Когда закончилась война, я не смог придумать ничего лучшего. Я за-

кончил курс юридического факультета. — Это было не совсем так: на самом деле Спенсер за один год закончил два курса стэнфордского юридического факультета и на следующее лето собирался стать его выпускником.

— На Востоке? — Бойд считал, что такой человек, как Спенсер Хилл, должен учиться по крайней мере в Йелле или Гарварде. Он знал, что у него есть деньги, только не знал, как много. Капитан никогда не затрагивал эту тему, но вокруг него существовала некая аура образованности и уверенности в себе, и по полку ходили слухи, что он выходец из семьи знатного рода откуда-то с Востока, хотя сам он об этом никогда не говорил. Он закончил колледж и был у них командиром, это знали все, но все остальное, связанное с ним, было совершенной для всех загадкой. Однако когда пробираешься с человеком бок о бок по минному полю, все остальное в принципе и не важно.

Глядя на своего молодого друга, Спенсер покачал головой, думая о том, как все-таки далеко этот мирок от того огромного мира, который он хорошо знал. Казалось, они находятся на разных планетах. Об этом маленьком уголке земли он никогда раньше даже не слышал: здесь раскинулись ранчо и фермы, жили люди, возделывающие землю. И эта жизнь далеко не легкая, и даже по молодому лицу двадцатидвухлетнего Бойда это было прекрасно видно.

— Нет, я учусь в Стэнфорде. А здесь — проездом по пути домой и уже чувствую, что влюбился в эти места. Перед

тем как вернуться в Нью-Йорк, я поступил на военную службу. Мне казалось, подожди я еще хоть немного, и я бы уже никогда не сделал этого. Но здесь мне нравится. — Ему казалось удивительным, что Стэнфорд находится всего в трех часах езды отсюда. — Я опять возвращаюсь в полк. Я пообещал своим ребятам, что вернусь на Восток этим летом. Я пробыл с ними только несколько недель после того, как ушел со службы, а потом поступил на юридический факультет. В моем возрасте это кажется не вполне нормальным, но после войны многие парни сделали то же самое. И некоторые даже старше, чем я. Ну а ты, Бойд? Ты чем живешь?

Хироко тихонько села рядом и молча слушала их разговор. Ей было интересно, расскажет ли Бойд своему бывшему капитану о тех трудностях, с которыми им пришлось здесь столкнуться. Он никогда ни на что не жаловался ни ей, ни кому-либо другому, а в последнее время, как она знала, ему вообще не с кем было даже поговорить. Они оба страшно удивились, когда Том пригласил их на свадьбу. Ведь до этого никто никогда их не приглашал и даже не разговаривал с ними, и иногда старый мистер Петерсен сам ехал к клиентам, чтобы наполнить баллоны газом, так как боялся, что кому-то не понравится, если это будет делать Бойд.

— У нас все нормально. Было, правда, тяжело найти работу, потому что все парни возвращались с войны одновременно. Но сейчас все отлично.

Глаза наблюдавшей за ними Хироко не выражали ничего,

и Спенсер кивнул:

— Рад за вас. — Он еще тогда волновался за них обоих, а сам не один раз был близок к тому, чтобы не попасть в такое же положение. Бойд был одним из его людей, и он по долгу службы принимал участие в его судьбе. Его очень беспокоило то, что он женился на Хироко. Он знал, что ни к чему хорошему это не приведет. Он знал других, которые заходили так же далеко, как Бойд, и становились изгнанниками в своих семьях, некоторые привозили домой даже детей, и после возвращения многие спивались, некоторые кончали с собой, оставляя женщин, которых они привезли, на произвол судьбы в незнакомой стране. Но, глядя на Бойда и Хироко, он заметил, что выглядят они оба вполне нормально, и самое главное — до сих пор вместе, а это кое-что значило. — Ты когда-нибудь был в Сан-Франциско?

Бойд улыбнулся и покачал головой. Жизнь здесь далеко не сладкая, и даже на нее у них не хватает денег. Но Спенсеру он бы об этом ни за что не сказал. Он молод и горд и безоговорочно верил, что дела у них скоро пойдут на лад.

— Ты должен как-нибудь приехать повидать меня. Мне еще целый год учиться, а потом я стану адвокатом. Ты представляешь? Мне самому в это не верится.

Они оба рассмеялись, но Бойд совсем не удивился. Даже там, на фронте, капитан всегда был везунчиком, его любили все: и солдаты, и офицеры. Бойд ни на минуту не сомневался, что в один прекрасный день Спенсер станет влиятель-

ным человеком, и поэтому должность адвоката казалась ему только первой ступенькой на пути к успеху и славе. Спенсер огляделся по сторонам, а потом снова повернулся и посмотрел в глаза все еще улыбающемуся Бойду.

– А что собой представляет невеста Тома? С виду довольно симпатичная девушка.

– Да, нормальная девушка. Она подруга моей сестры. – Когда Бойд произнес эти слова, они вновь рассмеялись. Про Джинни Вебстер Спенсер изрядно понаслышался. Пока Бойд был в армии, она постоянно присылала брату свои фотографии, в основном в купальниках, и просила его, чтобы он нашел ей среди солдат друзей для переписки. Тогда она была совсем подростком, с такими же, как у Бойда, рыжими волосами и веснушками, но ее тело было, несомненно, гораздо более привлекательным для молодых солдат. – Уайтты очень хорошие люди. Том собирается работать на ранчо вместе с отцом Бекки. – Для Бойда это было бы подарком судьбы, но он вдруг подумал, что для человека, учащегося в Стэнфорде, в этом нет ничего заманчивого. Но Спенсер почувствовал уважение к этим людям, когда с удивлением оглядывался по сторонам. Ранчо выглядело удобным и ухоженным, а гости, беседующие в тени больших деревьев, казались людьми скромными и солидными. – Тэд Уайтт очень хороший человек. Так что Томми можно вполне назвать счастливымчиком.

– Тебя тоже. – Эти слова Спенсер произнес очень тихо,

глядя на Хироко, а потом перевел полный понимания и зависти взгляд на Бойда.

На свете не было никого, о ком бы он так заботился или любил, или того, кто бы любил его так, как Хироко полюбила своего мужа. Он почти завидовал им, но все-таки не спешил последовать примеру Бойда. В его жизни было множество женщин, и он хорошо проводил с ними время. И в свои двадцать семь лет он пока не собирался связывать себя чем-либо. Он считал, что для него в жизни существует много других вещей, которые он должен сделать, прежде чем жениться. Например, закончить юридический факультет и в конце концов вернуться в Нью-Йорк. Его отец – судья, и он всегда говорил ему, что самое лучшее в жизни – это стать адвокатом. С дипломом юриста и с имеющимися связями он вполне может преуспеть. И эта жизнь ему больше всего подходила. А с его способностью легко заводить знакомства через какое-то время, в этом никто не сомневался, перед Спенсером Хиллом откроются если не все, то очень много возможностей. Впрочем, они существовали всегда, его манеры просто очаровательны, и где бы он ни появлялся, окружающие тут же влюблялись в него. В нем сочетались прямота, свое собственное мнение обо всем, к тому же он был дьявольски обаятелен. И это не раз сослужило хорошую службу там, на Тихом океане, как ему самому, так и его подчиненным. Самые невероятные авантюры ему всегда удавались.

– Может быть, пойдем познакомимся с гостями?

Бойд рассмеялся:

– Конечно. Пошли, я представлю тебя своей сестре.

– Наконец-то, – поддразнил его Спенсер Хилл. – Надеюсь, на этот раз я смогу ее увидеть не в купальном костюме? – Но когда они стали медленно приближаться к остальным гостям, он издалека разглядел и узнал ее – и не только по волосам и веснушкам, которые были такого же цвета, как у Бойда, но и по фигуре, затянутой узким розовым платьем с накинутым сверху подходящим по цвету жакетом. Смеющаяся, изрядно подвыпившая девушка, все еще сжимающая в руках свадебный букет, который отдала ей невеста, только она и могла быть сестрой Бойда, Джинни.

Бойд представил их друг другу. Джинни вдруг покраснела, и лицо у нее стало почти такого же цвета, как платье, пока Спенсер пожимал ей руку и говорил о том, как храбро ее брат сражался на Тихом океане.

– Да, но он никогда не рассказывал мне, какой симпатичный у него был капитан. – Она хихикнула и придвинулась к нему поближе. От нее пахло дешевой парфюмерией и вином. Потом Бойд представил его своему отцу. По тому как неодобрительно смотрел на сына пожилой человек, пожимая руку капитану, Спенсер понял, что их отношения с отцом довольно натянутые, и ему ничего не стоило догадаться, что это из-за Хироко.

Спенсер постоял еще немного в окружении гостей, вспоминая с Бойдом и Томом о военной жизни, затем направил-

ся к столу, решив попробовать местного вина. Налив себе стакан, он поболтал с гостями, а потом решил уединиться под большим деревом. Под густой зеленой кроной он ощутил всю глубину спокойствия и умиротворения, царивших в этом уголке природы. Это всколыхнуло в его душе какое-то давно забытое чувство. Вся его жизнь была полна городских забот и учебы в Стэнфорде, ему очень редко удавалось в одиночестве вырваться куда-нибудь на природу. В этой долине время, казалось, остановилось: под огромными деревьями за прочными дубовыми столами, покрытыми белыми льняными скатертями, сидели старики, тихо беседуя, обдуваемые легким ветерком, а невдалеке от них бегали и кричали детишки. Если закрыть глаза, то можно подумать, что это все происходит где-нибудь во Франции или что сейчас вообще другое столетие и все знакомые семьи и друзья собрались вместе и беседуют, и смеются, и за ними возвышаются вечные горы. Он стоял и думал обо всем этом, как вдруг почувствовал, что его кто-то внимательно рассматривает.

Спенсер повернулся и увидел очаровательную девочку, которая пристально смотрела на него. Босоногая, она была выше многих местных женщин, но он нисколько не сомневался, что она еще совсем ребенок. Ребенок с красивым телом молодой женщины и огромными голубыми глазами, взгляд которых проникал, казалось, ему прямо в душу, когда их взгляды встретились. Тонкой нежной рукой она откинула белокурый локон с лица, поразившего его своей красотой.

Он стоял, боясь пошевелиться, боясь произнести хоть слово или отвести взгляд от этих пронзительных голубых глаз. Он не встречал таких красавиц; девушка выглядела удивительно невинной в простом платье и с босыми ногами, утопающими в траве. Он не выдержал и, слегка наклонившись вперед, дотронулся до нее.

– Привет, – заговорил Спенсер, и ему показалось, что она побоялась ему ответить. Он хотел ей улыбнуться, но чувствовал себя парализованным под взглядом ее глаз. Они были пронзительно-голубого цвета, и он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни встречал такие глаза – глаза цвета бледно-лилового летнего неба, когда солнце еще не появилось из-за горизонта. – Как ты сегодня повеселилась? – Ему показалось, что вопроса глупее нельзя было и придумать, но он просто не мог прямо заявить ей, как она красива, а именно это ему хотелось сделать больше всего. Она медленно улыбнулась и осторожно приблизилась к нему, похожая на олененка, вышедшего из леса. В ее глазах он отчетливо увидел любопытство и интерес к себе. Ему показалось, что стоит ему сделать малейшее движение, как она испугается и убежит. Он решил позволить ей самой подойти к нему, хотя ему очень хотелось протянуть руку и прикоснуться к ней.

– Вы друг Тома? – Ее голос был глубоким, чистым и таким же нежным, как и ее белокурые волосы. Казалось, она так и манит к себе. Но он удержался. Ведь она совсем ребенок, и все же он искренне удивился своим чувствам. В ней не бы-

ло ничего явно сексуального, как в Джинни Вебстер в ее розовом платье, наоборот, она была сама осторожность и чувственность, как редкий цветок, выросший на горе, в недоступном месте.

– Мы вместе воевали в Японии.

Она кивнула с таким видом, словно его слова ее совсем не удивили. Она никогда не видела его раньше. Точнее сказать, она никогда раньше не видела никого, кто был бы на него похож. Он слишком изыскан для мужчины, и его утонченность прямо-таки завораживала ее. В его облике все было безукоризненно и опрятно: от дорогой рубашки до белых безупречных брюк; то же самое можно было сказать о ярком шелковом галстуке и изящных руках. Но больше всего ее поразили его глаза. В них она увидела что-то такое, что притягивало ее как магнит.

– А вы знаете Бойда Вебстера? – Она осторожно склонила голову набок, и ее прелестные волосы мягко заструились по плечу. – Ведь он был в Японии вместе с Томом.

Он кивнул, не в силах отвести от нее глаз и все время думая, кто же она такая, как будто это имело огромное значение.

– Конечно, я знаю обоих. – Он не стал говорить, что во время войны был их капитаном. Вот уж это ему казалось сейчас совсем не важным. – И Хироко тоже знаю. А ты ее знаешь?

Она медленно покачала головой:

– С ней никому не разрешают разговаривать.

Он кивнул, ему стало грустно, хотя он и предполагал, что так будет. Именно этого он и боялся с самого начала.

– Это очень плохо. Она хорошая девушка. Я был у них на свадьбе. – Он не знал, о чем с ней говорить, ведь она совсем юная. Кроме того, он чувствовал, как в нем поднимается страстное желание, когда он просто смотрит на нее. Ему вдруг пришло в голову, что он сошел с ума. «Она же совсем ребенок, – твердил он про себя, – ну может быть, уже девушка, но совсем-совсем юная. Ей, должно быть, не больше четырнадцати или пятнадцати лет». Но почему же тогда у него перехватило дыхание от одного ее вида?

– А вы из Сан-Франциско? – Конечно, он оттуда. В долине ни один человек не выглядит, как он, но она не могла себе представить, что он может быть откуда-нибудь еще, кроме как из Сан-Франциско.

– Сейчас да. А вообще я из Нью-Йорка. Я учусь в Сан-Франциско. – Он улыбнулся, произнес эти слова, и она весело засмеялась в ответ. Ее смех прозвучал, как звук чистого горного ручейка, и она еще немного приблизилась к нему. Другие дети играли в стороне, и никто из них, похоже, даже не заметил ее отсутствия.

– А где вы учитесь? – Ее глаза ярко сияли. Он заметил, что в глубине их под ее застенчивостью скрывается озорство.

– На юридическом факультете.

– О, это, наверное, очень тяжело.

– Да, нелегко. Но зато очень интересно, и мне нравится. А ты чем занимаешься? – Это, конечно, глупый вопрос, и он прекрасно знал об этом. Ну чем она может заниматься в ее возрасте, кроме как ходить в школу и играть с подругами?

– Я хожу в школу. – Она сорвала длинную травинку и вертела ее в руках.

– Ну и как, нравится?

– Иногда.

– Это звучит почти как «да». – Он опять улыбнулся ей, и ему вдруг стало интересно, как ее зовут. Может быть, Салли, или Джейн, или Мэри. Наверняка в этой глуши только так называют девушек. И потом он вдруг представился, как будто это могло иметь для нее какое-то значение, и она кивнула, все еще глядя на него с настороженным удивлением.

– А я – Кристел Уайтт. – Имя ей подходило идеально.

– Ты что, родственница невесты?

– Она моя сестра.

Спенсер удивился, что Том не дождался, пока вырастет эта красавица, вместо того чтобы жениться на ее сестре, но потом он решил, что местные жители просто не понимают, насколько ошеломляюще она красива, хотя трудно себе представить, что это правда.

– Очень красивое ранчо. Должно быть, в таком месте очень хорошо жить.

Она улыбнулась еще радостнее, как будто желала поделиться с ним каким-то секретом:

– Но еще лучше там, у подножия холмов. Там есть река, которую отсюда не видно. Мы с отцом иногда добираемся к самым холмам. Вот там действительно красиво. А вы умеете ездить верхом? – Она интересовалась им так же, как и он ею, и он ее внимательно слушал.

– Да, но не очень хорошо. Но мне это нравится. Может быть, как-нибудь я приеду снова, а ты и твой отец покажете мне эти места.

Она кивнула с таким видом, как будто ей понравилась эта идея. Тут кто-то позвал ее. Сначала она не обратила на это внимания, но потом повернулась, сожалея, что вынуждена уйти. Это был ее брат. Спенсер почувствовал, как у него защемило сердце. Все-таки им стало скучно без нее.

– Было очень приятно поговорить с тобой. – Он понимал, что через секунду она уйдет, и ему захотелось протянуть руку и дотронуться до нее хотя бы на мгновение. Он боялся, что больше никогда ее не увидит; он замер, изо всех сил стараясь продлить этот момент, который, как он знал, ему теперь никогда не забыть, здесь, под деревьями... пока она еще не выросла... пока она не ушла... пока жизнь не успела изменить ее.

– Кристел! – Теперь уже несколько голосов слились в нестройный хор. И их нельзя было не услышать. Она прокричала в ответ, что придет через минуту.

– А вы правда когда-нибудь вернетесь? – Было похоже, что она это тоже почувствовала. Как будто она тоже не хоте-

ла, чтобы он уходил. Она никогда раньше не видела мужчин, таких красивых, как он, кроме разве что тех кинозвезд на фотографиях, приколотых на стене в ее комнате. Но он не такой, как они, он настоящий. И он говорил с ней так, как будто она взрослая.

– Мне очень бы хотелось вернуться. А теперь, когда я знаю, что Бойд здесь, я, наверное, обязательно приду как-нибудь навестить его.

Она кивнула, как бы молча одобряя его слова.

– Конечно, я обязательно навещу и Тома... – Его голос сорвался, когда он чуть не сказал: «И тебя», но он знал, что не может сказать ей это. Она подумает, что он сошел с ума, а ему вовсе не хотелось обижать ее.

Может быть, во всем виновато вино, говорил он себе, может быть, она только кажется ему такой красивой, может, во всем виновато настроение, и хороший день, и сама атмосфера свадьбы. Но он прекрасно понимал, что это нечто большее и сама эта девочка является для него чем-то большим, нежели просто красивым ребенком. Потом она взглянула на него в последний раз, застенчиво улыбнулась и, помахав на прощание рукой, побежала к остальным. Он стоял и смотрел ей вслед, наблюдая, как ее брат что-то сказал ей, потом дернул за волосы, и потом вдруг она с веселым смехом погналась за ним – можно подумать, что она уже забыла об их встрече. Но когда он хотел повернуться, чтобы уйти, она остановилась, посмотрела в его сторону и замерла. Спенсеру показалось,

что она хочет что-то сказать ему, но она не сделала этого – просто отвернулась и посмотрела на своих друзей. И он медленно пошел по направлению к Хироко и Бонду.

И все-таки он увидел ее еще раз перед отъездом – она стояла на крыльце, разговаривая с матерью, которая ее явно за что-то ругала. Потом взяла большую тарелку и занесла ее на кухню. Больше она не вышла, а уже через минуту Спенсер мчался на машине прочь от ранчо, и его мысли были заняты девочкой, которую он встретил. Она похожа на дикого жеребенка – красивая и свободная, это ребенок с глазами взрослой женщины. Вдруг он рассмеялся над собой. Это же просто наваждение. У него своя жизнь, он живет в мире, который неизмеримо далек от этой долины. Невероятно, что его могла очаровать четырнадцатилетняя девочка, выросшая среди дикой красоты Александровской долины. Да, невероятно, кроме разве того, что у нее такое необычное имя – Кристел. И он без конца повторял его про себя-, все дальше уезжая от этого места, думая о том, что пообещал Бойду и Хироко в конце лета навестить их. Да, конечно, хорошо было бы заехать... даже, наверное, это просто необходимо сделать... И в конце концов он уверился в мысли, что должен сделать это обязательно.

Кристел, помогая матери мыть последние тарелки, оставшиеся после свадебного обеда, обнаружила, что думает о нем, об этом красивом незнакомце из Сан-Франциско. Теперь она уже знала, кто он такой. Она слышала, как Том рас-

сказывал о нем, что он был их командиром в Японии. Тому польстило, что он приехал к нему на свадьбу, но сейчас его голова была занята вещами более серьезными. Они с Бекки уезжали, чтобы смыть свадебный рис и провести медовый месяц на побережье в Мендочино. Через две недели они вернутся в коттедж на ранчо, начнут работать с отцом, а Бекки будет рожать детей. Кристел казалось это ужасно скучным. Таким будничным и обыкновенным. В их жизни не будет ничего интересного, ничего необычного, такого, что бывает всегда в жизни тех людей, о которых она часто думала, или тех знаменитых актеров, о которых она читала. Она с удивлением думала о том, что в один прекрасный день с ней произойдет то же самое – она выйдет замуж за одного из этих парней, которых она так хорошо знала, за одного из друзей Джеда, которых до сих пор просто ненавидит. Ее желания раздваивались. С одной стороны, ей хотелось остаться и жить в том знакомом мире, который она так хорошо знала, а с другой стороны, ее манил иной мир – мир, полный тайн и загадок, красивых незнакомцев, подобных этому мужчине, которого она встретила сегодня на свадьбе своей сестры.

Была уже полночь, когда они наконец закончили мыть посуду и убирать со столов остатки трапезы. Бабушка уже отправилась спать. Дом притих и как будто опустел, когда Кристел пожелала родителям спокойной ночи, собираясь отправиться в свою комнату. Отец встал, и они медленно пошли к ее комнате, он нежно поцеловал ее в щеку и ласково по-

смотрел на дочь:

– Когда-нибудь придет и твоя очередь... и ты уйдешь так же, как Бекки.

Она пожала плечами. Сейчас это ее не интересовало; они слышали, как Джед, улюлюкая, прошел в свою комнату. Отец снова улыбнулся:

– Хочешь завтра поехать со мной верхом? У меня есть кое-какая работа, ты бы могла мне помочь.

Он очень гордился дочерью, она даже не представляла себе, как он любил ее. Она улыбнулась и кивнула в ответ:

– Это было бы просто замечательно, папочка.

– Я разбужу тебя в пять. Так что теперь спи.

Он потрепал ее по волосам, и она тихо закрыла за ним дверь. Первую ночь она проведет в своей комнате одна, без сестры. Наверное, это самая спокойная ночь за всю ее жизнь. Теперь наконец-то она единственная владелица своей комнаты. Она легла в постель и стала думать о Спенсере, чувствуя, как постепенно погружается в сон. А в Сан-Франциско, лежа на гостиничной кровати, Спенсер Хилл думал о Кристел.

Первый ребенок Тома и Бекки родился через десять месяцев после свадьбы. Минерва с Оливией принимали роды прямо в коттедже на ранчо, а Том в ожидании мерил шагами крыльцо. Это был здоровый мальчик, и назвали его Вильям в честь отца Тома – Вильяма Генри Паркера. Бекки, так же как и Том, ужасно гордилась сыном. Это было, пожалуй, самое счастливое событие за этот год, который оказался очень тяжелым для семьи Уайттов. После долгих сильных дождей большая часть пшеницы полегла, а Тэд заболел воспалением легких, и казалось, что он никогда не поправится. Когда родился его первый внук, он все еще был очень слаб, но из-за всех сил старался не показывать этого. И только Кристел знала, как он плохо себя чувствует. Они все еще ездили верхом вместе, но их прогулки делались все короче, она видела, с каким облегчением отец возвращался домой и торопился лечь в постель, иногда не в силах даже поужинать.

И все-таки Тэд начал выздоравливать. Когда они крестили ребенка и за два дня до шестнадцатилетия Кристел отец явно почувствовал себя лучше. Малыша крестили в той же церкви, где год назад венчались Бекки с Томом, и Оливия пригласила на праздничный обед человек шестьдесят друзей и соседей. Это торжество не было таким грандиозным, как свадьба, но все-таки праздник состоялся. Джинни Вебстер бы-

ла крестной матерью, а крестным отцом Том попросил стать Бойда, что опять вызвало протест со стороны семьи Уайттов. Как и год назад, все избегали Хироко. Ее единственной подругой теперь была Кристел, но даже она не знала, что жена Бойда беременна. Местный врач отказался осматривать ее. Его сын погиб в Японии, и он заявил Хироко с каменным выражением на лице, что не собирается помогать ее ребенку появиться на свет. Бойду пришлось отвезти ее в Сан-Франциско, где они нашли доктора, но часто возить жену в город он не мог. Доктор Йошикава был мягким и добрым человеком. Он родился в Сан-Диего и прожил всю жизнь в Сан-Франциско, но после разгрома американского флота в Перл-Харборе работал в японской больнице. В течение четырех лет он заботился о японцах в военных концлагерях, всегда помогал им, чем мог, хотя практически никаких средств для лечения у него не было. Для него это было тяжелое время, время боли и разочарования, но он оставался верен себе и сохранил уважение к тем людям, о которых заботился и среди которых жил во время войны. Хироко случайно узнала о нем от одной знакомой японки из Сан-Франциско, и молодая женщина вошла в кабинет врача на трясущихся ногах после того, как ее оскорбил и выгнал врач, которого все в долине считали большим авторитетом. Пока доктор Йошикава осматривал ее, Бойд стоял рядом. Врач заверил их обоих, что беременность протекает вполне нормально. Он прекрасно понимал, как тяжело этой молодой женщине жить в

стране, где все считают ее чужаком и ненавидят ее только за цвет кожи и разрез глаз, за то, что она родом из Киото.

– В марте у вас родится здоровый крепкий малыш, мистер Вебстер, – заверил он Бойда, а потом улыбнулся Хироко. Он заговорил с ней по-японски, и Бойд успокоился, видя, как расслабилась жена, услышав родную речь. На мгновение ей показалось, что она снова дома, она почти поверила в это. Он говорил, что ей надо обязательно отдыхать после обеда и хорошо питаться, причем рекомендовал ей диету, состоящую из ее самых любимых японских блюд, что заставило ее рассмеяться.

Бойд как раз помогал ей готовить одно из этих блюд на следующий день, когда к ним в дверь постучала Кристел. Теперь, после свадьбы Бекки, она иногда заходила к ним, чтобы немного поболтать. В долине об этом никто не знал, и Бойд был вполне разумен, чтобы не кричать об этом направо и налево.

– Привет, есть кто-нибудь дома? – Она прискакала на одной из лошадей отца и, привязав ее у дверей, осторожно вошла в дом; на ней были синие джинсы, волосы собраны высоко на голове под ковбойской шляпой. Она еще похорошела с прошлого года, и в ней еще больше стала проявляться женственность. Но аура невинности все так же окружала ее. Казалось, она совершенно не обращает внимания на свою внешность, что делало ее красоту еще более привлекательной. Она надела одну из старых рубашек Тэда. Когда Кри-

стел, бросив шляпу на стул, тряхнула головой, ее великолепные платиновые волосы каскадом заструились по плечам.

– Привет, Кристел! – Бойд вытер руки кухонным полотенцем, а Хироко улыбаясь предложила ей сашими, которое они только что приготовили. – Ты уже позавтракала?

Была суббота, и Кристел не надо было идти в школу. Отец отдыхал, так что девушке было абсолютно нечего делать. Она уже навестила Бекки и малыша Вилли, как его называли, – толстого, здорового мальчишку.

– Что это? – Кристел с удивлением посмотрела на сырую рыбу.

– Это сашими, – застенчиво улыбаясь, ответила Хироко. Светлые волосы и огромные голубые глаза Кристел прямо-таки завораживали ее, и в глубине души она мечтала, что если бы ей дано было родиться еще раз, она бы хотела быть такой же, как эта девушка. Она не раз мечтала о том, чтобы сделать себе западный разрез глаз, но на это у них не было средств, да и Бойд бы просто убил ее за одну только мысль об этом. Он любил ее именно такой, какой она была, со всей ее изысканной японской красотой.

Хироко была всего на три года старше Кристел, но жизнь, одинокая жизнь в этой долине смыла все следы веселья с ее лица.

– Хотите попробовать немного сашими, Кристел-сан? – За последний год она гораздо лучше стала говорить по-английски. По ночам она вслух читала Бойду и вообще очень

старательно следила за своим произношением. Кристел даже приносила ей свои школьные учебники, и молодая женщина тщательно прочитывала их, схватывая все быстро и точно.

Кристел удобно уселась в маленькой кухне вместе с супругами и осторожно попробовала то, что ей предложили и что, на ее взгляд, было просто сырой рыбой. Она всегда смело пробовала в их доме все, что ей предлагали, смакуя деликатесы, которые Хироко готовила своими проворными маленькими пальчиками.

– Твой отец чувствует себя лучше? – застенчиво спросила Хироко, и Кристел кивнула, нахмутив при этом брови.

– Да, ему лучше. Но эта зима была очень тяжелой. Я сегодня заходила провести Бекки. – Она улыбнулась своим друзьям. – Малыш становится таким симпатичным.

И вдруг она заметила странный взгляд, которым обменялись супруги. Бойд нерешительно посмотрел на жену, и веснушки вдруг необычайно четко проступили на его побледневшем лице. Его молочно-белая кожа сильно отличалась от кожи Кристел, имевшей почти бронзовый оттенок, несмотря на светлые волосы и голубые глаза. Но казалось, что он не обращает на красоту девушки никакого внимания. Ему нравилась только Хироко.

– Скажи ей. – Он улыбнулся жене, приняв решение, что теперь, когда они нашли доктора Йошикаву, им незачем скрывать хорошие новости от единственного друга. Они оба переживали из-за этого, и вообще иметь ребенка было их

давной мечтой. Их немного удивило, что пришлось ждать так много времени. Прошло целых два года, прежде чем Хироко забеременела. — Ну давай же... — подбадривал он ее, но Хироко выглядела совершенно растерянной.

Кристел молча ждала. Она была слишком молода, чтобы самой что-то понять. К тому же о беременности она совсем никогда не думала, поэтому она смотрела на них широко открытыми, полными ожидания глазами, но Хироко все никак не могла решиться сказать. Наконец Бойд сделал это за нее:

— У нас весной родится малыш. — Сказав это, он выглядел ужасно гордым, а Хироко стыдливо отвернулась. Она все еще не привыкла к американским манерам говорить открыто о том, что, по ее понятиям, было делом сугубо интимным, и все же она была так же рада этому, как и ее муж.

— Это просто здорово, — улыбнулась Кристел, — а когда?

— Мы полагаем, в марте. — Он с гордостью, улыбаясь, посмотрел на жену, в то время как та накладывала Кристел еще сашими.

— Ну это еще не скоро, правда? — Для Кристел это действительно было «не скоро». Например, когда забеременела Бекки, девушке казалось, что прошла целая вечность, пока она наконец родила.

Причем сестра жаловалась день и ночь, вечно стонала и говорила, что ее все время тошнит, что она себя ужасно чувствует. В конце концов Кристел перестала ее выносить. От нее уставал даже Джек, а Том целыми ночами пропадал где-

то с друзьями. И только Оливия продолжала ей сочувствовать до самого конца. Казалось, две женщины сблизились еще больше, впрочем, Кристел ничего не имела против. Она была счастлива, как никогда, проводя время с отцом. Да и встречи с Хироко приносили ей все больше и больше радости. Они разговаривали о природе, о жизни, обсуждали планы на будущее и очень редко в своих беседах касались кого-либо из людей. У Хироко не было знакомых, которых можно было обсуждать, семья осталась в Японии, и она теперь редко говорила о ней. Ее родные были так далеко, что ей иногда казалось, будто она потеряла их. Но однажды она призналась, что очень скучает по своим младшим сестренкам. И в ответ на ее признания Кристел открыла свой секрет — она мечтает сниматься в кино. Хироко потрясла эта идея и восхитила. Но Голливуд далеко, ужасно далеко от Александровской долины. Для них он находится на другой планете.

Хироко с Бойдом оба присутствовали на крестинах Вильяма. Он жалобно хныкал, когда священник смачивал водой его крошечную головку. На него надели рубашечку, в которой крестили еще отца бабушки Минервы. Хироко выглядела бледнее, чем обычно, когда они все выходили из церкви. Бойд нежно взял ее за руку, с тревогой посмотрел на нее, а жена только кивала ему в ответ. Она ни разу не пожаловалась на плохое самочувствие, но он знал, что у нее начался токсикоз. Она продолжала готовить его любимые блюда все с той же тщательностью, но сама едва притрагивалась к еде.

Он несколько раз слышал, как ее рвало по утрам. Перед тем как Бойд увел жену, Кристел встретила с ней взглядом, и две женщины улыбнулись друг другу, но этого, казалось, никто не заметил. Все гости восхищались малышом.

Для праздничного обеда на ранчо все подготовили как надо, но на этот раз гостей пришло гораздо меньше. Женщины сидели маленькими группками и сплетничали: кто женился, вышел замуж, у кого родились дети. Про Хироко не знал никто, и всем гораздо интереснее было обсуждать Джинни Вебстер. Она заметно поправилась, и ходили слухи, что она спит с Маршаллом Флойдом. Кто-то даже видел, как они вместе выходили из гостиницы в Напе.

– Она беременна, помяните мое слово, – заговорщически произнесла Оливия, а Бекки добавила, что неделю назад во время церковной службы Джинни чуть не упала в обморок.

– Вы думаете, он на ней женится?

– Он просто обязан это сделать, – заявила одна из женщин, – но лучше бы он делал это побыстрее, пока она совсем не растолстела.

Женщины разговаривали, мужчины стояли возле столов – выпивали и закусывали, а дети играли в стороне: все было так же, как и год назад. После войны прошло уже два года, и здесь ничего не изменилось, ну разве что дети выросли. Кристел стала девушкой. Ее длинные ноги и красивое тело притягивали женственные очертания, она теперь постоянно притягивала взгляды мужчин. Ее фигуру уже не скрывало платье,

да и выражение глаз потеряло безмятежность. Всю зиму она очень беспокоилась за отца. Джек в июне окончил школу, и теперь ему предстояло работать весь день на ранчо вместе с Томом. Отец хотел, чтобы он поступил в колледж, но сам Джек не горел желанием это делать. Он копался в машинах, которые были на ранчо, и часто ездил на прогулки со своими друзьями. У него теперь появилась девушка в Калистоге.

— Он уже почти мужчина, — восхищенно говорила одна из подруг Оливии. — Помяни мое слово — следующая свадьба будет его. Я слышала, он встречается с дочерью Томпсонов. — Оливия гордо улыбалась в ответ. Но вдруг глаза соседки потемнели, она взглянула на Кристел. Она надела синее платье, которое отец привез ей из Сан-Франциско. — Она очень хорошо выглядит... Прямо настоящая красавица... — Женщина заметила, что Оливия смотрит на Кристел. — Неплохо было бы в ближайшие дни запереть ее в амбаре, — поддразнила подруга, но Оливия притворилась, что не расслышала. Она никак не могла понять свою младшую дочь. Та совершенно не походила на других девушек и особенно на свою сестру. Она держалась обособленно. Ее мысли были глубокими, и когда она говорила о них (что случалось крайне редко), это ужасно раздражало ее мать. Девушке совсем не обязательно рассуждать о высоких материях или мечтать о тех городах и странах, про которые рассказывал Тэд. Несомненно, это его вина, что он с самого детства забивал ей голову всеми этими глупостями. Его вина и в том, что она так любит носиться по

полям на лошади и купаться голышом в горной речке, как какая-нибудь дикая кошка.

Она совсем не похожа на других девушек, а уж тем более на Бекки или на свою мать. Теперь, когда она выросла, это стало особенно заметно. Казалось, она не обращала никакого внимания на окружающих ее парней. Она не страдала от одиночества, могла часами разговаривать с отцом о ранчо, о книгах, которые она прочитала, или о тех местах, где он побывал и где она тоже непременно хотела бы побывать.

Оливия даже один раз слышала, что они беседовали о Голливуде. И ведь он знает, что это просто безумие. С такими запросами не так-то просто найти для нее мужа, даже несмотря на ее внешность. Внешность – еще не все. Она и так слишком отличается от всех. Ее красота раздражает женщин, а мужчин – просто шокирует. Все это несколько не льстило Оливии. Нет ничего хорошего в том, что ты мать самой красивой девушки в долине. Она слишком красива, слишком свободна и совсем-совсем не похожа на окружающих. Даже сейчас, когда женщины разговаривали, Кристел одиноко сидела на качелях, и ее мысли были где-то далеко, в то время как другие дети шумно играли. Казалось, она не замечает их, как не замечала никогда. Она стала еще более замкнутой за этот год. И даже Джед, у которого теперь была своя жизнь, оставил ее в покое. На нее обращали внимание только тогда, когда она пела в воскресенье в церкви. Этот необыкновенный голос заставлял остановиться и прислушаться. Вот про

ее голос теперь и говорили.

Кристел высоко взлетала на качелях, что-то напевая про себя, совершенно не интересуясь тем, о чем вокруг говорят, и почти не замечая праздника, когда вдруг увидела подъехавшую машину. Она узнала его тотчас, как только он вышел из нее. Она не видела его целый год, но не забыла. Она ни на минуту не забывала его, но лишь иногда нерешительно спрашивала Бойда, не получил ли он письма от Спенсера. И вот теперь он приехал на крестины, и она замерла, давая качелям остановиться и неотрывно наблюдая, как он пожал руку ее отцу, а потом отправился искать Бойда и Хироко. Он был так же красив, как и год назад, может быть, даже еще красивее. Она весь этот год постоянно думала о Спенсере Хилле, и теперь, когда увидела его, сердце у нее замерло.

На нем был летний костюм и соломенная шляпа. Она подумала, что он выглядит еще эффектнее, чем в прошлый раз, наблюдая, как он рассмеялся, что-то сказав Хироко. И потом, отойдя от своих друзей, очень медленно оглянулся и увидел ее, неподвижно сидящую на качелях. Даже находясь на таком расстоянии, он знал, что она смотрит на него, он почти чувствовал, как ее взгляд проникает ему в самую душу, когда он медленно двинулся в сторону. Он подошел к ней почти вплотную, и его лицо с темно-синими глазами было серьезным. И воздух вокруг них моментально наэлектризовался. Они не понимали, отчего это произошло. Когда их глаза встретились, они оба знали, что весь этот год думали

друг о друге. Это было какое-то наваждение, которое невозможно выразить словами или понять. И все-таки, как они оба знали, они оставались чужими друг другу.

– Привет, Кристел. Как поживаешь? – Он почувствовал, как у него дрожат руки, поэтому засунул их в карманы, а сам прислонился к дереву, с которого свисали качели. Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал нормально, чтобы она не догадалась, что он чувствует. Это далось непросто. Она не двигалась и ничего не говорила, только смотрела на него. На минуту ему показалось, что весь остальной мир исчез. Рядом рос куст магнолии, и воздух был наполнен его благоуханием. Ему даже послышалось, что где-то вдалеке раздается бой барабана.

– Полагаю, что хорошо. – Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрожал. Ей очень хотелось спросить, почему он не приехал, как обещал, но она не осмелилась этого сделать. Никто из них не мог бы выразить словами свои чувства. Она просто смотрела на него; он был точно такой же, как и год назад: все те же безупречно подстриженные и расчесанные темные волосы, загорелое лицо, те же глаза, ждущие от нее чего-то, чего она еще пока не могла понять. Она знала теперь точно, что не сможет сдвинуться с места под его взглядом, да и не хотела этого. Кристел хотела бы простоять вот так рядом с ним всю жизнь, чувствуя его дыхание и зная, что он смотрит на нее.

Довольно прохладный день сделался вдруг невыносимо

жарким. Ему показалось, что у него внутри все растаяло, и он продолжал твердить про себя, что она всего лишь ребенок. Но они оба прекрасно знали, что он хочет ей сказать: «Я тебя люблю». Но конечно, он не мог этого сделать. Ведь он едва ее знает. И все же для него невыносимо сознавать, что девушка, мысли о которой он весь год старался выкинуть из головы, оказалась еще более желанной, чем он ее помнил.

– Как учеба? – Она задала вопрос, а ее глаза неотрывно смотрели на него. Тогда, год назад, она была наполовину ребенком, наполовину подростком, а теперь превратилась в женщину.

– Я только что сдал выпускные экзамены.

Она кивнула, но по ее глазам он понял, что она хочет задать ему еще тысячу вопросов. Внутри у него все пылало, он знал, что ничего никогда не боялся так, как своих чувств по отношению к ней, к этой девочке, которую едва знал. Она ничего не заметила по его лицу и по глазам, которые спокойно смотрели, как легкий летний ветерок слегка гладит ее волосы.

– А как насчет тебя? – Как никогда, в тот момент ему хотелось протянуть руку и дотронуться до нее.

– Мне исполнится шестнадцать лет послезавтра, – спокойно проговорила она, и он почувствовал, как заныло у него сердце. На мгновение, всего лишь на миг, у него мелькнула надежда, что в прошлом году он ошибся и она окажется старше. Но за этот год она явно изменилась. Она казалась теперь

такой взрослой и такой женственной в этом синем платье. Она была уже гораздо более женщиной, нежели ребенком, и он опять удивился тому безумному чувству, которое так тянуло его к ней. Ведь он приехал сегодня вовсе не для того, чтобы повидать Бойда. Он приехал, чтобы увидеть ее, надеясь, что она будет здесь, страстно желая еще раз взглянуть на нее, перед тем как уехать из Калифорнии. Но теперь ему больше нет нужды терзать себя. Ведь в свои шестнадцать она все еще ребенок. И все-таки... ее глаза говорили ему, что она чувствует то же самое, что и он. В свои двадцать восемь он с трудом мог поверить, что эта шестнадцатилетняя девочка может так чувствовать.

– У тебя будет праздничный вечер? – Он продолжал разговаривать с ней, как с ребенком, хотя все говорило ему, что она уже женщина, и она рассмеялась в ответ и покачала головой:

– Нет... – Конечно, он и представить себе не мог, что у нее почти нет друзей, что все девушки просто ненавидят Кристел из-за ее внешности, хотя она сама этого не понимала. – Отец обещал взять меня с собой в Сан-Франциско в следующем месяце. – Она хотела спросить его, будет ли он там в это время, но не сделала этого. Они оба не могли сказать вслух того, о чем думали. Им приходилось притворяться, что они не понимают друг друга, что они не замечают тех чувств, которые оба испытывали друг к другу, несмотря на разницу в возрасте и на ту пропасть, которую жизнь проложила между

ними.

И как бы прочитав ее мысли, он ответил на ее вопрос сам, ведь она не решилась спросить его, куда он сейчас едет:

– Я через несколько дней собираюсь вернуться в Нью-Йорк. Мне предложили работу в адвокатской конторе на Уолл-стрит. – Он чувствовал себя ужасно глупо, говоря ей это. – Я теперь буду принадлежать к миру финансистов. – Он улыбнулся и еще сильнее навалился на дерево, казалось, только благодаря ему он и может удержаться на ногах. Но в тот момент он действительно не был уверен, что его дрожащие колени не подогнутся под ним. – Надо полагать, я отлично начинаю карьеру. – Ему хотелось произвести на нее впечатление, но это было вовсе не обязательно. Он и так произвел на нее впечатление сам по себе, и гораздо большее, чем какая-то контора на Уолл-стрит.

– Вы волнуетесь? – Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, как бы желая заглянуть в самые отдаленные уголки его души. Он боялся, что она действительно видит его насквозь, боялся того, что она сможет там увидеть: душу взрослого мужчины, напуганного теми чувствами, которые он испытывает по отношению к ней, к этой девочке... девушке, которая уже перестала быть ребенком, но еще и не стала женщиной и которая притягивала его к себе так, как ни одна из женщин до нее. И он не мог понять, происходит ли это потому, что она так красива, или потому, что ее глаза излучают этот непонятный свет. Он не мог понять, что с

ним происходит и почему, но он совершенно точно знал, что перед ним – удивительный человек, не такой, как все. Она весь год не выходила у него из головы, несмотря на все его попытки забыть о ней. И теперь, стоя рядом с ней, он чувствовал, как все его тело наполняется удивительной истомой и волнением только оттого, что она рядом.

– Да, думаю, что волнуюсь. А еще я немного напуган. – Так просто было признаваться ей в этом! – Это ответственная работа, и моя семья будет расстроена, если я не справлюсь с тем, чего все они от меня так ждут. – Сейчас ему казалось, что его семья вообще не существует. Сейчас его интересовала только Кристел.

– А вы когда-нибудь вернетесь в Калифорнию? – Ее глаза стали такими печальными, как будто он покидал ее.

Они оба вдруг почувствовали, какая их ждет потеря, хотя этого еще не произошло.

– Конечно, я бы очень хотел вернуться сюда когда-нибудь. Но скорее всего ненадолго. – Его голос звучал спокойно и печально, и на мгновение он вдруг пожалел, что вернулся сюда. Было бы гораздо легче больше не видеть ее. Но он не мог не вернуться. Уже несколько недель он знал, что должен обязательно увидеть ее, и теперь она смотрела на него своими прекрасными глазами, в которых было столько мудрости и печали и отражалось все то одиночество, с которым она жила все это время.

Сегодняшний день стал для нее подарком, подарком, о ка-

ком она столько мечтала. Для нее он уже давно стал мечтой, подобной тем мечтам о кинозвездах, фотографии которых были приколоты на стене в ее комнате. Он был таким же далеким и нереальным, несмотря на то что она видела его и разговаривала с ним. Он не мог стать для нее ближе, чем те, портреты которых она видела каждый день. Единственная разница между ними и им в том, что она его любила.

– Хироко весной родит малыша. – Она произнесла это, слегка запнувшись, а он вздохнул и чуть отвернулся, как бы пытаясь набрать в легкие немного воздуха и заставить себя подумать о чем-то другом.

– Я рад за них. – Он ласково ей улыбнулся и представил себе то время, когда она сама выйдет замуж и родит детей. Может быть, когда он вернется сюда в один прекрасный день, за ее юбку будут цепляться полдюжины детей, и ее муж, если ей с ним повезет, будет пить не слишком много пива и водить ее в кино по субботам. От этой мысли его чуть не затошнило. Он не хотел, чтобы с ней это произошло. Несомненно, она заслуживает гораздо большего. Она совсем не похожа на остальных. Она походила на голубку, затесавшуюся в стаю павлинов, и при первой же возможности самки поранят, а может, даже убьют ее. Она не заслужила этого. Но он также прекрасно понимал, что сам он не может сделать ничего, чтобы спасти ее от такой участи. – Она будет прекрасной матерью. – Он сказал это про Хироко, но вдруг понял, что в глубине души имел в виду и Кристел.

Кристал лишь кивнула в ответ и слегка оттолкнулась ногой, давая качелям чуть-чуть сдвинуться с места. Те же белые лодочки, которые на свадьбе Бекки она держала в руках, сейчас были у нее на ногах поверх новой пары капроновых чулок.

– Может быть, ты когда-нибудь приедешь в Нью-Йорк? – Он сказал это больше для того, чтобы в самого себя вселить надежду, но они оба прекрасно знали, что это более чем маловероятно.

– Мой отец один раз был там. И он все мне про него рассказал.

Спенсер улыбнулся. Все-таки его жизнь совершенно другая. И когда он подумал об этом, его сердце снова сжалось.

– Я думаю, тебе бы он понравился. – Ему так хотелось самому показать ей этот город... может быть, если бы она была хоть чуть-чуть старше...

– А я хочу поехать в Голливуд. – Она мечтательно посмотрела на небо и в этот момент стала снова ребенком. Ребенком, который мечтает попасть в Голливуд и стать кинозвездой. Эта мечта так же несбыточна, как та, что он хотел бы любить ее, но он, конечно, не сказал ей об этом.

– А кого бы ты хотела встретить в Голливуде? – Ему захотелось узнать: кто ее любимая кинозвезда, о чем она разговаривает с подругами, о ком мечтает? Ему хотелось узнать про нее все, может быть, тогда он избавится от ее чар. Он понимал, что должен забыть эту девушку раз и навсегда, ведь

он уезжает из Калифорнии. Мысли о ней преследовали его целый год, и не один раз он порывался сесть в машину и поехать навестить Бойда, каждый раз сознавая, что хочет попасть в Александровскую долину только для того, чтобы увидеть Кристел. И каждый раз, боясь того странного наваждения, которое она будила в нем, он откладывал и откладывал поездку до тех пор, пока... он не решился приехать сюда в последний раз, перед тем как покинуть Калифорнию.

Она немного подумала над его вопросом, кого бы она хотела встретить в Голливуде, и наконец ответила:

– Кларка Гейбла. Может быть, еще Гарри Купера.

– О, звучит солидно. А что бы ты хотела делать там, в Голливуде?

Она рассмеялась, ей вдруг понравилось, что она может немного поиграть со своими мечтами, а заодно и с ним:

– Мне бы хотелось сниматься в кино. И еще, может быть, петь. – Он ни разу не слышал ее голоса и не знал, что он завораживает всех в долине, даже тех, кто ее не любит.

– Может быть, в один прекрасный день так и случится. – И они оба рассмеялись над этим. В кино снимаются кинозвезды, а не простые девушки. А ее жизнь будет самой обыкновенной, как бы красива она ни была. Она и сама прекрасно понимала, что не суждено ей сниматься в кино. – Но ты действительно подходишь для этого. Ты очень красивая. – Его голос прозвучал мягко, и она медленно качнулась и замерла, глядя на него. Было что-то завораживающее в том, как он

произнес эти слова. И их сила поразила обоих, заставив на минуту замолчать. Потом она грустно улыбнулась и покачала головой. Она уже смирилась с мыслью, что он исчезнет из ее жизни навсегда.

– Широко красивая, а я нет.

– Да, она красивая, – согласился он, – но ты тоже. – Спенсер сказал это так тихо, что она едва расслышала его голос.

И вдруг она, почувствовав себя смелее, задала ему вопрос, который хотела задать с того самого момента, как только увидела его этим утром:

– А почему вы сегодня приехали?

На этот вопрос было сто ответов: увидеть Бойда... Широко... Тома... посмотреть на его малыша... но только один ответ был по-настоящему честным. И когда он снова посмотрел ей в глаза, он понял, что должен ответить ей правду. Она должна знать об этом.

– Перед тем как уехать, я хотел еще раз увидеть тебя, – тихо проговорил он, и она кивнула в ответ. Это были именно те слова, которые она хотела от него услышать, но теперь почему-то они ее испугали. Этот красивый мужчина, совершенно из другого мира, действительно приехал для того, чтобы увидеть ее. А она так и не может понять, чего же он от нее хочет. Но этого не знал и сам Спенсер, и от этого ситуация казалась ему еще более нелепой.

Она мягко прыгнула с качелей, сделала шаг и остановилась прямо перед ним, глядя ему в глаза своими голубыми,

цвета горной лаванды, глазами, которые он не сможет забыть никогда.

– Спасибо вам.

Они стояли друг против друга бесконечно долгое мгновение. Вдруг он краем глаза заметил, что к ним приближается ее отец. Он махал рукой Кристел, и на секунду Спенсер подумал, что он сердится, зная, что может быть на уме у молодого человека, и не одобряя это. Он действительно долгое время наблюдал за ними и удивлялся, о чем они могут разговаривать. В этом мужчине было что-то, что нравилось Тэду, но он знал и о том, что он всего лишь прохожий. И все же ему нравилось, что такой мужчина восхищается Кристел. Тэд Уайтт сожалел лишь о том, что у них в долине таких молодых людей нет. Но сейчас, подходя к ним, он думал совсем о другом; его глаза светились теплотой, а на губах играла улыбка, так похожая на улыбку его дочери.

– Вы оба выглядите ужасно серьезными. Вы что, молодежь, решаете мировые проблемы? – Слова его были шутливыми, но мудрые глаза старика, казалось, заглядывали Спенсеру прямо в душу. И то, что он увидел, ему понравилось.

Тэду понравился Спенсер с первого взгляда, хотя старик и понимал, что капитан слишком взрослый для Кристел. В лице дочери он увидел что-то такое, чего никогда не видел раньше, только иногда, один или два раза, когда она вот так смотрела на него самого с нескрываемым обожанием. Но на этот раз это было нечто другое: выражение радости и печали

одновременно. И вдруг Тэд Уайтт осознал, что его девочка стала женщиной.

– Вам предстоит испытать истинное удовольствие, капитан Хилл, – он гордо улыбнулся дочери, – если, конечно, Кристел согласится. Малышка, народ хочет, чтобы ты спела. Ты споешь?

Она вспыхнула и покачала головой, длинная белокурая прядь упала ей на лицо; она стояла в тени дерева, но сзади луч солнца пробился сквозь листву и высветил золотом ее платиновые волосы. И оба мужчины на мгновение замерли, пораженные ее красотой. Потом она подняла голову и взглянула на отца: выражение ее лавандовых глаз было застенчивым, но в их глубине пряталась улыбка.

– Слишком много людей вокруг... и потом... мы же не в церкви...

– Ну право, какая разница? И потом, ты тут же забудешь обо всем, как только начнешь петь. – Сам он очень любил слушать, как она поет, когда они вдвоем скакали верхом по полям. Ее сильный красивый голос притягивал к себе так же, как притягивает восход солнца. Ему никогда не надоедало ее слушать. – Некоторые парни принесли с собой гитары. Ну спой одну или две песни, просто чтобы поддержать праздничное настроение.

Кристел увидела в его глазах чуть ли не мольбу. Она никогда бы не смогла отказать ему, хотя ее бросало в дрожь при мысли, что ей придется петь перед Спенсером. Ведь он

может подумать, что она просто глупая. Он уже присоединил свой голос к голосу Тэда, уговаривая ее, и когда их глаза встретились, на мгновение повисла тишина, и за это мгновение они смогли молча сказать друг другу все, о чем не сме- ли говорить вслух. И она вдруг решила, что это, возможно, будет ее подарок ему, что он будет помнить ее всю жизнь. Она кивнула и медленно пошла за отцом туда, где их ждали все остальные. Спенсер снова подошел к Бойду и Хироко, и Кристел, обернувшись, увидела, что он неотрывно смотрит на нее. Даже на расстоянии она чувствовала его взгляд, полный любви, которую никто из них не мог понять. Их любовь родилась год назад, и они ее сохраняли в себе все это время, пока не встретились вновь. Это была любовь, которой не суждено сбыться, но которая останется с ними навсегда, после того как он уедет.

Она взяла гитару у одного из парней, в то время как двое молодых людей подошли к ней и сели вместе с ней на скамейку, глядя на нее с одобрением и восхищением. Оливия наблюдала за дочерью с крыльца. Как всегда, ее раздражало, что муж позволяет ей устраивать этот спектакль. Но она знала, что всем нравится, как Кристел поет. Некоторые из женщин прямо таяли, когда слушали, как она поет в церкви, а когда она пела «Очаровательная Грейс», многие из них плакали. Но на этот раз девушка спела несколько баллад, которые так любил ее отец и которые они пели с ним вместе, когда ранним утром скакали верхом. Не прошло и минуты, как

вокруг собрались все гости, и никто не произнес ни звука, позволяя ее сильному красивому голосу завораживать их. Ее голос был такой же незабываемый, как и ее лицо. Спенсер, закрыв глаза, чувствовал, как растворяется в музыке, в этой невероятной красоте ее голоса, в то время как его сила и простота прямо-таки поразили капитана. Она спела четыре песни, и последние звуки растаяли в воздухе, подобно тому как ангелы взлетают на небеса. Когда она замолчала, повисла долгая тишина, и все смотрели на нее в немом изумлении. Каждый сто раз слышал, как она поет, но всякий раз ее пение снова и снова завораживало их. Толпа разразилась аплодисментами, и Тэд украдкой смахнул с глаз слезы. Такое с ним происходило всякий раз, но уже через минуту все успокоились и вернулись к разговорам и выпивке. Однако он знал, что в ту минуту, когда она пела, все до единого были влюблены в нее. Спенсер долгое время не мог произнести ни слова. Он хотел еще раз поговорить с ней, но она ушла куда-то со своим отцом, и он больше не видел ее до тех пор, пока гости не начали расходиться. Она стояла около своих родителей, и люди подходили, пожимали им руки, благодарили за обед, созывали детей.

Спенсер подошел, чтобы поблагодарить ее родителей, но, когда ее рука оказалась в его, ему вдруг стало страшно, что встреча получилась такой короткой. Ведь он больше никогда ее не увидит, и эта мысль была для него невыносимой, когда он смотрел ей в глаза, мечтая о том, чтобы это мгновение

продлилось вечно.

– Ты не говорила, что умеешь петь. – Он произнес это почти шепотом, в то время как его глаза внимательно изучали ее. Она засмеялась в ответ, смущенная его словами, и на мгновение снова стала в его глазах ребенком. Она пела сегодня специально для него, и сейчас ей стало интересно, понял ли он это. – С таким голосом ты действительно можешь ехать в Голливуд.

Она снова рассмеялась, и ее смех звучал мелодично.

– Я так не считаю, мистер Хилл... Я действительно так не думаю.

– Надеюсь, что мы еще когда-нибудь встретимся. Глаза у них обоих стали серьезными, и она кивнула:

– Я тоже на это надеюсь. – Но оба знали, что это маловероятно.

И вдруг он сказал те слова, которые не мог не сказать ей:

– Я никогда не забуду тебя, Кристел... никогда... береги себя... – «Живи счастливо... не выходи замуж за человека, который будет недостойн тебя... не забывай меня...» – что еще он мог ей сказать, чтобы не выглядеть в ее глазах абсолютным глупцом? И уж конечно, он никак не мог сказать ей, что любит ее.

– Вы тоже... – Она грустно кивнула. Она понимала, что через несколько дней он уедет в Нью-Йорк и их пути, возможно, больше никогда не пересекутся. Огромная страна, целый мир, вся жизнь отныне будут лежать между ними.

И потом, не говоря больше ни слова, он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку, а через минуту был уже в машине и ехал прочь от ранчо. Сердце было готово выскочить у него из груди, в то время как Кристел молча стояла среди своих родных и неотрывно смотрела вслед удаляющейся машине.

По пути домой Спенсер свернул перед мостом через Золотые Ворота и, оставив машину на обочине, подошел к берегу. Ему хотелось подумать, разобраться в себе и все вспомнить. Кристел притягивала его к себе целый год, и теперь, всего через несколько часов после того, как он расстался с ней, он снова хотел ее видеть. Сама по себе долина осталась для него лишь смутным воспоминанием, но лицо этой девушки... ее глаза... то, как она смотрела на него... ее голос, когда она пела эти простые баллады, стояли перед ним. Она была редкой птицей, которую, как он знал, он теперь навсегда потерял. Нет никакой вероятности, что он вернется к ней. Сама мысль об этом приносила боль. Она была всего лишь шестнадцатилетним ребенком, живущим в затерявшейся калифорнийской долине. Она не знала ничего о той жизни, которую он вел. Но даже если бы и знала, она бы ее просто не поняла. Она слишком не похожа на ее собственную. Что ей известно об Уолл-стрит и о Нью-Йорке, о тех кругах, в которых ему приходилось бывать? Его семья ожидала от него слишком многого, и в тех планах, которые они для него приготовили, не найдется места для деревенской девушки, еще почти ребенка, в которую он имел несчастье влюбиться. Девушки, напомнил он себе, которую он к тому же едва знал. Его родители никогда не смогут понять этого. Да и как они могут это

понять, если он сам ничего не понимает? И подобно тому, как Кристел мечтала о Голливуде и о кинозвездах, у Спенсера тоже были мечты. Но его мечты исчезли, когда его брат погиб на острове Гуам. И теперь он должен не только изменить свою жизнь, он должен сделать то, что не успел сделать его брат. Его семья ждала от него именно этого, и в конце концов он вынужден был согласиться. А что обо всем этом может знать Кристел? Она не знает вообще ничего, кроме своей долины, в которой выросла. Он понял, что должен забыть ее. Он грустно улыбнулся, глядя на залив, на мост, и еще раз сказал себе, что просто сошел с ума. Он ненадолго увлекся симпатичной девочкой, а теперь надо выбросить ее из головы и продолжать жить собственной жизнью. Юридический факультет и обеды в Пало-Альто с хорошенькими однокурсницами, с которыми он развлекался, еще не все в его жизни. Теперь его ждал целый мир. И в этом мире не будет места для Кристел Уайтт, какой бы красивой она ни была и как бы она ни привлекала его в данную минуту. Он повернулся и пошел обратно к машине, думая о том, что сказал бы его отец, узнай, что его сын влюбился в шестнадцатилетнюю девочку из Александровской долины.

«Прощай, маленькая девочка», – прошептал он про себя, в последний раз проезжая по мосту через Золотые Ворота. В этот вечер он должен был пойти на званый обед. Он пообещал отцу, что будет там. У него не было настроения, но он понимал, что это поможет ему отвлечься. Она ушла из его

жизни навсегда. Но он знал, что независимо от того, встретится он с ней когда-нибудь или нет, забыть ее не сможет никогда.

Последние несколько дней он жил в отеле «Фармонт». Из его комнаты открывался потрясающе красивый вид, по которому он будет скучать. Он почти жалел, что не нашел себе работу в Сан-Франциско, но это никогда не входило в его планы. Он пообещал родителям, что вернется домой, и очень хорошо знал, что они ждут его. До войны его отец был адвокатом, а потом его назначили судьей. Он преуспел в жизни. Но он всегда имел далеко идущие планы по отношению к своим сыновьям, особенно это касалось старшего брата Спенсера, Роберта. Но он был убит на Гуаме, оставив вдову с двумя детьми. Он изучал исполнительное и законодательное право в Гарварде и хотел стать политическим деятелем, конгрессменом, в то время как Спенсер хотел стать врачом. Но война все изменила. Потеряв четыре года, он не мог позволить себе потратить слишком много времени, изучая медицину. Решение поступить на юридический факультет казалось ему самым правильным. Судья Хилл уверил его в этом, и Спенсер знал, что отец сам мечтает встать во главе апелляционного суда. И если это произойдет, то правота отца, без всяких сомнений, будет доказана. Он будет следовать по стопам Роберта.

Семья Хиллов была довольно старинной. Предки матери пришли в Бостон еще с паломниками. Род отца был не на-

столько древним. Он усердно работал, чтобы сделать себе карьеру, и смог закончить юридический факультет в Гарварде. И теперь для них обоих было очень важно, чтобы Спенсер самостоятельно сделал в жизни что-то значительное. И это «значительное» вовсе не подразумевало, что он влюбится в такую девушку, как Кристел. Роберт в свое время женился очень удачно. Он всегда делал именно то, что от него ждали, в то время как Спенсер был свободен в своем выборе, и это ему нравилось. И теперь, когда не стало старшего брата, он чувствовал себя так, как будто родители ждали, что он будет делать то, что не успел сделать Роберт, что он должен идти тем путем, который всегда казался ему неподходящим, а теперь вдруг стал правильным. И учеба на юридическом факультете была частью этого пути. И возвращение в Нью-Йорк. И работа в конторе на Уолл-стрит... Он никак не мог представить себя на этой работе. Ему казалось, что три года на юридическом факультете – слишком мало. Но, черт возьми, Уолл-стрит звучало для него довольно заманчиво. В конце концов, если он сможет сделать что-нибудь стоящее, сумеет заложить первый камень на пути к своей карьере, может быть, тогда он действительно пойдет в гору. Подумав об этом, он еще раз посмотрел в окно, думая о том уголке, где расстался с Кристел. Потом вздохнул и вернулся в комнату. Она была хорошо обставлена: на полу лежал толстый ковер, мебель новая и дорогая, а над головой висела огромная люстра. И все-таки он думал о ранчо, вспоминая холмы, девушки-

ку, сидящую на качелях. У него осталось только две ночи. Две ночи перед тем, как он вступит в ту жизнь, которая так неожиданно досталась ему от Роберта. Почему, черт возьми, он не может плюнуть на все это? Почему он должен ехать в Нью-Йорк, делать то, что от него хотят, работать в этой чертовой конторе на Уолл-стрит...

Он решительно вышел из комнаты и с силой захлопнул дверь. В восемь часов его ждали в доме Гаррисона Барклая. Он был другом его отца, федеральным судьей и имел большие связи среди политиков. Поговаривали, что в один прекрасный день он может оказаться в Верховном суде. Отец настоял, чтобы Спенсер увиделся с ним. Они один раз уже встречались, это было в прошлом году, и теперь, несколько недель назад, он опять позвонил ему и сказал, что заканчивает Стэнфорд и уезжает в Нью-Йорк, где будет представлять юридическую фирму. Гаррисон Барклай был очень рад за него и пригласил на званый обед. Спенсер понимал, что это первый званый обед, в его жизни будет множество таких вечеров, он должен привыкать к этому. Он вернулся в отель, принял душ, побрился и переоделся. Затем быстро спустился вниз, но настроение было неважное, не хотелось видеть никого, тем более Гаррисона Барклая.

Дом семьи Барклаев – красивый кирпичный особняк – находился на пересечении улицы Дивисадеро и Бродвея. Дворецкий открыл ему дверь, и, войдя внутрь, он услышал по звукам, доносившимся из глубины дома, что вечер в самом

разгаре. На мгновение ему показалось, что он не выдержит этого. Ему придется беседовать, очаровывать и развлекать их друзей, а так хотелось бы в этот вечер побыть одному. Посидеть где-нибудь в одиночестве и думать о своем, мечтать о девочке, с которой он был едва знаком... о девочке, которой послезавтра исполнится шестнадцать лет.

– Спенсер! – громко окликнул его судья, когда молодой человек вошел в комнату. Ему показалось, что он школьник и сейчас предстал перед учительским советом.

– Добрый вечер, сэр. – Он поздоровался с другом своего отца с приветливой улыбкой. – Очень рад видеть вас. Добрый вечер, миссис Барклай.

Судья Барклай чуть ли не силком провел его по комнате, знакомя с каждым из гостей и объясняя, что он только что закончил юридический факультет Стэнфорда. Он сообщал всем, кто его отец, и это приводило Спенсера в явное замешательство. Меньше всего ему хотелось оставаться в этом доме, он почти физически чувствовал, что не вынесет этого.

К ужину было приглашено двенадцать гостей, но в последний момент жена одного из судей отказалась от приглашения. Она пыталась уговорить своего дядю вернуться с ней домой после гольфа, но тот все равно пошел на ужин к Барклаям. Он был старым другом семьи и знал, что они не будут против его присутствия, но Прициллия Барклай расстроилась, сосчитав гостей. Их было тринадцать, включая хозяев, а она знала, что по крайней мере двое из них ужасно суевер-

ны. В столь поздний час она ничего не могла поделать. Обед должны были подать через полчаса, и единственное, что ей оставалось, — это попросить дочь, чтобы она присоединилась к ним во время обеда. Она торопливо взбежала наверх по ступеням и постучала в дверь ее комнаты. Элизабет готовилась идти на вечеринку. На ней было черное вечернее платье, а на шее — нитка жемчуга. Этой зимой она собиралась вступить в клуб «Котильон». В свои восемнадцать лет она блистала своеобразной красотой.

— Дорогая, мне нужна твоя помощь. — Мать посмотрела на себя в зеркало, поправила ожерелье, пригладила рукой волосы и только после этого повернулась и с улыбкой посмотрела на дочь. — Жена судьи Армистеда подвела своего дядю.

— О Боже, она что, внизу? — Взгляд Элизабет Барклай был холоден и суров в отличие от просящего взгляда ее матери.

— Конечно, нет. Она позвонила в последнюю минуту и сказала, что не может прийти. И теперь за столом у нас будет тринадцать человек.

— Ну притворись, что ты этого не знаешь. Может быть, никто ничего и не заметит. — Она надела черные атласные туфли на высоких каблуках и стала немного выше матери. У Элизабет было два старших брата: один член правительства в Вашингтоне, в федеральном округе Колумбия, а другой — адвокат в Нью-Йорке. Она была единственной дочерью Барклаев.

— Я не могу этого сделать. Ты же знаешь Пенни и Джейн.

Кто-то из них обязательно уйдет, и тогда у нас будет на двух женщин меньше. Дорогая, не могла бы ты помочь мне?

– Сейчас? – Дочь выглядела раздраженной. – Но я собираюсь в театр. – Она договорилась отправиться туда с несколькими друзьями, хотя ей не очень хотелось проводить вечер таким образом. Это был один из редких вечеров, когда свидания не предвиделось, они решили развлечься большой компанией.

– Это так важно для тебя? – Мать посмотрела ей прямо в глаза. – Мне действительно нужна твоя помощь.

– О, ради всего святого. – Элизабет посмотрела на часы и потом кивнула. Может быть, это к лучшему. Ей действительно никуда не хотелось идти. Прошлой ночью она вернулась домой только в два часа. Последний месяц она каждый вечер ходила по балам, после того как окончила Бург. Она хорошо повеселилась, и на следующей неделе они с друзьями собирались поехать на озеро Тахо. – Хорошо, мама. Я позвоню друзьям. – Она любезно улыбнулась матери и поправила двойную нитку жемчуга, которую одолжила у матери. Несомненно, она была довольно симпатичной девушкой, но ей с трудом можно было дать восемнадцать лет. Во многих отношениях она казалась гораздо старше. Уже многие годы она находилась среди взрослых, и родители приложили немало усилий, чтобы она могла вести себя непринужденно с их друзьями, поддерживать разговоры. Ее братья были старше на десять и двенадцать лет, и она привыкла к тому,

что все уже давно общаются с ней, как со взрослой. К тому же она унаследовала холодный замкнутый характер, который был свойствен всем членам семьи Барклай. Она прекрасно владела собой, ее поведение было безупречным, так что в свои восемнадцать лет она была леди до мозга костей. — Я спущусь через минуту.

Мать взглянула на нее с благодарностью, и Элизабет улыбнулась в ответ. У нее были густые рыжеватые волосы, которые она стригла не очень коротко, большие карие глаза, матовая кожа и тонкая талия. Она великолепно играла в теннис. Но в этой девушке не было ни капли тепла, только безупречное воспитание и живой ум, который постоянно восхищал всех друзей ее родителей. Даже ее осанка внушала благоговение и уважение. Да, Элизабет Барклай была не тем человеком, над которым можно посмеяться. Она девушка серьезная, с проницательным умом и острым языком; у нее собственные взгляды на жизнь, и она строго их придерживалась. И для нее не существовало проблемы с выбором колледжа: Радклифф, Веллслей или Вассар.

Через десять минут она не спеша спустилась вниз, успев за это время позвонить друзьям и небрежно извиниться перед ними, сказав, что у нее испортилось настроение и ей необходимо остаться дома. Отказаться от вечеринки Элизабет могла только в том случае, если у нее плохое настроение или нет нового платья. В ее жизни не было никаких страданий, переживаний или трудностей. Ничего такого, что ее

родители не могли бы с легкостью устранить, ничего, что ее отец не мог бы уладить или купить для нее. Но нельзя сказать, чтобы она была избалованна. Она просто выбрала для себя определенный образ жизни, и все окружавшее ее служило декорацией к нему. Для своего возраста она не была обыкновенной девушкой. Ее детство кончилось, когда ей исполнилось десять лет. С тех пор она вела себя совершенно по-взрослому, обладала прекрасными манерами. Однако она не получала от этого никакого удовольствия. Но что для Элизабет Барклай удовольствия! У нее была цель. И все ее поступки были направлены на достижение этой цели.

Гости уже пропустили по рюмке, когда девушка вошла в гостиную и огляделась в поисках знакомых. Среди приглашенных оказалась только одна пара, которую она не знала, и ее мать представила их как старых друзей отца из Чикаго. Потом она увидела еще одно незнакомое лицо – очень красивого молодого человека, который спокойно разговаривал с судьей Армистедом и ее отцом. Она быстро взглянула на него, затем взяла бокал с шампанским с серебряного подноса, который дворецкий держал перед ней, и улыбаясь направилась к отцу.

– Отлично, отлично, Элизабет, какой чести мы все сегодня удостоены, – улыбнулся отец, и в глубине его глаз появился едва заметный лукавый огонек. – Неужели ты смогла при всей своей занятости выкроить время и для нас? Как удивительно! – Он демонстративно обнял ее за плечи, и она

улыбнулась, глядя на него. Она всегда была с ним в очень близких отношениях, он ее обожал.

– Мамочка попросила, чтобы я присоединилась к вам.

– Прекрасная причина. С судьей Армистедом ты знакома, Элизабет, а это Спенсер Хилл из Нью-Йорка. Он только что закончил юридический факультет Стэнфорда.

– Поздравляю. – Она безразлично улыбнулась ему, и он оценивающе посмотрел на нее. Девушка выглядела совершенно невозмутимой, и он решил, что ей двадцать один или двадцать два года. Ее внешность и манеры делали ее куда старше, и это впечатление еще более усиливали черное платье, жемчужное ожерелье и взгляд, которым она окинула его, когда пожимала ему руку. – Вы, наверное, очень рады, – добавила она с вежливой улыбкой, в то время как он продолжал смотреть на нее.

– Да. Спасибо. – Он подумал, чем она может заниматься. Наверное, играет в теннис и ходит по магазинам с друзьями или матерью. Он очень удивился, услышав слова ее отца:

– Элизабет собирается по собственному желанию ехать в Вассар. Мы пытались уговорить ее на Стэнфорд, но это бесполезно. Она решила ехать на Восток и бросить нас здесь одних, чтобы мы переживали за нее. Но я надеюсь, что холодные зимы быстро охладят ее пыл и она очень скоро снова окажется дома. Ее мать и я будем ужасно скучать без нее.

Элизабет улыбнулась в ответ на его слова, и Спенсер удивился, узнав, как она молода. Определенно, восемнадца-

тилетние девушки стали совсем другими за эти последние несколько лет. И, глядя на нее, он вдруг поразился мысли, что у этой девушки есть все, чего нет у Кристел.

— Это очень хорошая школа, мисс Барклай. — Его тон был дружелюбным, но довольно прохладным. — Моя свояченица училась там. Уверен, она вам понравится.

Элизабет почему-то решила, что он женат. Она не подумала, что он имеет в виду жену брата. На какое-то мгновение она почувствовала разочарование. Он очень приятный молодой человек и каким-то странным образом притягивает ее.

Тут дворецкий объявил о начале обеда, и Прициллия Барклай пригласила гостей в столовую — красивую комнату с черно-белыми мраморными полами, стенами, обитыми деревом. Над массивным английским столом висела красивая хрустальная люстра. В серебряных подсвечниках горели свечи, старинные приборы на столе сверкали белизной и золотом, а хрустальные бокалы, на которые попадал свет свечей, переливались огнями. Салфетки украшала монограмма с инициалами матери Прициллии. Гости без труда нашли свои места. Около каждого прибора, конечно, были карточки, вставленные в изящные серебряные подставки. Элизабет приятно удивилась, обнаружив, что ее посадили рядом со Спенсером. Она поняла, что ее мать уже успела все переставить.

На первое подали копченую лососину и крошечные грече-

ские устрицы. И к тому времени когда подали основное блюдо, Элизабет и Спенсер увлеченно беседовали. Он не переставал удивляться ее уму и образованности, тому, как много она знала. Казалось, не было ни одной темы, которую она не могла бы с легкостью поддержать, будь то мировая или внутренняя политика, история или искусство. Без сомнения, она была незаурядной девушкой, и он не ошибался, думая, что она преуспеет. Во многих отношениях она напоминала ему жену брата, хотя можно было с уверенностью сказать, что Элизабет лучше. В ней не было ничего показного и наигранного. В глаза бросались лишь ее острый ум и прекрасные манеры. Она даже умудрилась в какой-то момент повернуться и завести разговор со своим соседом справа—с одним из друзей ее отца, но быстро вернулась к разговору со Спенсером:

– Итак, мистер Хилл, что же теперь собирается делать новоиспеченный выпускник Стэнфорда? – Она смотрела на него с интересом и насмешкой, и ему вдруг показалось, что она на самом деле старше его. Ему пришлось немного отпить из бокала, чтобы слегка успокоиться.

– Собираюсь работать в Нью-Йорке.

– У вас уже есть место? – Она была заинтересована и немного нахальна. Но ей не хотелось попусту терять время. И в какой-то мере ему это даже нравилось в ней. Незачем ходить вокруг да около, и раз она задавала вопросы, то таким образом давала возможность и ему спрашивать. Это namно-

го легче, чем просто флиртовать.

– Да, есть. Я буду работать у Андерсона, Винсента и Соброка.

– Я потрясена. – Она сделала маленький глоток вина и улыбнулась ему.

– Вы знаете их?

– Я слышала мнение моего отца о них. Это самая крупная фирма на Уолл-стрит.

– Теперь потрясен я, – пошутил он, но с другой стороны, это была правда. – Для восемнадцатилетней девушки вы знаете невероятно много. Неудивительно, что вы собираетесь в Вассар.

– Спасибо. Я с детства обедаю со взрослыми. Думаю, это просто вошло у меня в привычку. – Но тут она явно скромничала. Она действительно отличалась незаурядным умом. Будь у Спенсера настроение немного лучше, она могла бы даже ему понравиться. Конечно, в ней отсутствовали загадочность, романтизм, волшебное очарование, но ее точный ум и прямота заинтересовали его. И даже ее холодность была довольно привлекательна.

Так или иначе, но вечер шел своим чередом, и Спенсер продолжал пить вино, которым угощал Гаррисон Барклай. Странно, что день, который начался крестинами в Александровской долине, заканчивался таким образом. И он даже представить себе не мог присутствия здесь Кристел. Что бы он ни чувствовал по отношению к ней, здесь ей места нет. В

данный момент он не мог представить себе никого на месте этой девушки со спокойными карими глазами и манерой говорить обо всем прямо. И все же, слушая Элизабет, он чувствовал, что сердце его тоскует по Кристел.

– Когда вы покидаете Сан-Франциско?

– Через два дня. – Он сказал это с сожалением, которое не могли до конца понять ни он, ни она. Он не понимал, откуда это чувство ноющей тоски, которое он начал испытывать сегодня после обеда. А по ее мнению, не было ничего замечательнее, чем поехать в Нью-Йорк. Она не могла дождаться сентября.

– Это плохо. Я надеялась, что вы сможете приехать повидать нас на озере Тахо.

– Мне бы очень хотелось. Но у меня невероятно много дел. Через две недели мне уже надо приступить к работе. У меня нет возможности прохладиться, иначе мой стол на Уолл-стрит окажется завален целым морем бумаг.

– Вы волнуетесь? – Ее глаза снова изучающе посмотрели на него, и он решил быть с ней откровенным.

– Честно говоря, не знаю. Я до сих пор не могу понять, почему пошел на юридический факультет.

– А чем вы хотели заниматься?

– Медициной, если бы меня не забрали в армию. Война для всех что-то изменила, и я полагаю... что для многих эти изменения гораздо хуже, чем для меня. – Он на минуту загрустил, подумав о брате. – Мне просто повезло.

– Я думаю, вам повезло в том, что вы стали адвокатом.

– Правда? – Он опять удивился. Она действительно странная девушка, и он понял, что в Элизабет Барклай нет ни капли жалости и нерешительности. – Но почему?

– Я бы тоже хотела поступить на юридический факультет после того, как закончу Вассар.

Это опять произвело на него впечатление, но на этот раз он не удивился:

– Тогда вы так и поступите. Но не лучше бы для вас выйти замуж и рожать детей? – Ему казалось, что это вполне естественно и что такая девушка, как она, может сделать это с любым мужчиной. Сейчас, в 1947 году, любой может выбрать то, что ему нравится. Он не считал, что это слишком дорогая цена за карьеру. Будь он на ее месте, он бы не задумываясь выбрал мужа и детей, но Элизабет не считала это решение подходящим.

– Может быть. – На какое-то мгновение она вдруг показалась ему юной и растерянной, но в следующую минуту она пожала плечами. И потом вдруг совершенно выбила его из колеи, задав следующий вопрос: – А какая у вас жена, мистер Хилл?

– Простите? Я... я не понял... но что заставило вас подумать, будто я женат? – Он выглядел ошеломленным, а потом вдруг рассмеялся. Неужели он выглядит таким старым, что она даже представить себе не может, что он до сих пор не женат? Если это так, то каким же стариком он должен был

казаться сегодня утром Кристел! Она все еще не выходила у него из головы, хотя он заставлял себя поддерживать беседу с Элизабет Барклай, что, как он признался себе, было совсем несложно. Но его мысли были все еще далеко, и ему казалось, что часть его сердца уже никогда не будет принадлежать ему.

В первую секунду Элизабет казалась сконфуженной, и он даже заметил, что она покраснела.

– Мне показалось, вы сказали... вы упомянули свояченицу в начале вечера... вот я и сделала вывод...

Он рассмеялся, и она запнулась. Он покачал головой, и его голубые глаза вспыхнули в отблеске свечей.

– Боюсь, вы ошиблись. Я имел в виду вдову моего брата.

– Он погиб на войне? -Да.

– Очень сожалею.

Он кивнул, и тут подали кофе. Дамы поднялись, начали демонстративно прощаться с Прициллией Барклай. Мать и дочь вышли из комнаты, и мать спокойно поблагодарила ее:

– Спасибо тебе, Элизабет. Без тебя мы оказались бы в очень неловком положении.

Девушка принужденно улыбнулась и на секунду обняла пожилую женщину за плечи. Прициллия Барклай сохранила красоту, хотя ей было уже около шестидесяти.

– Я получила удовольствие. Мне очень понравился Спенсер Хилл. А сейчас он мне нравится еще больше, потому что сказал, что не женат.

– Элизабет! – Мать притворилась пораженной, хотя на самом деле это было не так и дочь прекрасно знала об этом. – Но он же слишком стар для тебя. Ему, наверное, уже почти тридцать.

– Совершенно верно, и мне, должно быть, будет очень приятно встретиться с ним в Нью-Йорке. Он собирается работать у Андерсона, Винсента и Соброка.

Ее мать кивнула и отправилась болтать с оставшимися дамами. Вскоре к ним присоединились мужчины. После этого вечер мало-помалу подошел к концу, Спенсер поблагодарил супругов Барклай за гостеприимство. Потом подошел к их дочери, чтобы попрощаться и с ней:

– Удачи вам.

– Спасибо. – Ее глаза потеплели, и в первый раз за вечер он подумал, что она ему нравится. Она симпатичнее жены Роберта и, несомненно, намного привлекательнее. – А вам удачи в работе. Уверена, вы станете известным адвокатом.

– Я вспомню ваши слова через месяц или два, когда начну тосковать по той легкой жизни, которая была у меня в Стэнфорде. Может быть, мы встретимся в Нью-Йорке.

Она нерешительно улыбнулась ему, но тут к ним подошла ее мать:

– Я попрошу вас присмотреть за Элизабет в Нью-Йорке.

Спенсер улыбнулся, подумав о том, что они вряд ли встретятся, но он старался быть вежливым. Он считал, что для первокурсницы он слишком стар, и потом... его мысли заня-

ты Кристел...

– Дайте мне знать, когда появитесь в Нью-Йорке.

– Обязательно. – Элизабет тепло улыбнулась Спенсеру, еще раз показавшись ему совсем молоденькой, и уже через минуту он ушел от них.

Вернувшись в отель «Фармонт», он продолжал думать о ней и о том интересном разговоре, который у них состоялся. Может быть, она права, сказал он себе. Может, ей действительно стоит поступить на юридический факультет. Если она просто выйдет замуж, то погрязнет в быту, играя в бридж и сплетничая с другими женщинами. В тот день ему приснилась вовсе не Элизабет. Когда он наконец уснул при свете заходящего утра... в его сон пришла девочка со светлыми платиновыми волосами и глазами цвета летнего неба... девочка, которая, казалось, вкладывает в песни все свое сердце... И в его сне она сидела на качелях, глядя прямо ему в глаза, а он никак не мог дотянуться и прикоснуться к ней. Он проспал всего несколько часов, а проснувшись, долго смотрел, как солнце медленно движется по небу. В это время за сто миль от него по полю, босоногая, брела Кристел, думая о нем и тихонько напевая. Она направлялась к реке.

На следующий день Спенсер заканчивал свои дела и готовился к отъезду: ему надо было навестить нескольких друзей, попрощаться и пожелать им всего хорошего. Ему вдруг стало мучительно жаль расставаться с ними. Он жалел о своем решении уехать в Нью-Йорк и дал себе слово, что обязательно вернется сюда. Для него это был грустный день, и он рано отправился спать. На следующее утро он улетал в Нью-Йорк. В тот день, когда Кристел исполнялось шестнадцать лет.

Его встречали родители, и он чувствовал себя ужасно глупо. Встреча была торжественной, даже Барбара приехала в аэропорт со своими двумя дочками. Они всей семьей ужинали в доме его родителей, и Барбаре пришлось уйти к себе, чтобы уложить девочек, иначе они уснули бы прямо за столом.

– Ну как, сынок? – выжидательно спросил отец после того, как гости ушли, а мать отправилась в спальню. – Как ты себя чувствуешь дома? – Он волновался, боясь услышать уклончивый ответ. Сын отсутствовал слишком долго, целых шесть лет – четыре года на войне и два – в Стэнфорде, и теперь отец с облегчением видел его дома, в Нью-Йорке, в родной семье. Отец считал, что настало время наконец-то осесть и начать думать о карьере, как это сделал бы Роберт, будь он жив.

– Я еще не знаю, – честно признался Спенсер, – кажется, ничего не изменилось с тех пор, как я последний раз был дома. Нью-Йорк не изменился. – Он не добавил вслух того, о чем подумал: «...зато изменился я...»

– Надеюсь, ты здесь будешь счастлив. – Но на самом деле Уильям Хилл не был уверен в этом.

– Спасибо, отец, я тоже на это надеюсь. – Но именно в этом Спенсер был уверен сейчас меньше всего. Часть его сердца рвалась обратно в Калифорнию. – Да, я встретился с судьей Барклаем перед отъездом. Он шлет тебе наилучшие пожелания.

Уильям Хилл кивнул, ему было приятно это услышать.

– Помани мои слова, в один прекрасный день он окажется в Верховном суде. И я этому не удивлюсь. Его сыновья тоже очень приятные люди. Старший не сегодня-завтра получит должность в моем суде. Он весьма толковый адвокат.

– Я очень надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь скажет такое обо мне. – Спенсер уселся на тахту и с усталым вздохом провел рукой по волосам. Для него это был тяжелый день, тяжелая неделя... и долгая-долгая война... Вдруг он понял, что то, к чему в конце концов он пришел, его просто угнетает.

– Ты выбрал правильный путь, Спенсер. Не сомневайся в этом.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – «Ведь я же не Роберт, отец... я – это я...» – но Спенсер никогда бы не сказал

этого вслух. — А что, если я просто возненавижу работу у Андерсона, Винсента и Соброка?

— Тогда ты сможешь работать в общественном юридическом отделе. С дипломом юриста ты сможешь делать все, что захочешь. Заниматься частной практикой, бизнесом, юриспруденцией... стать политиком... — Отец произнес последнее слово с надеждой, он действительно хотел, чтобы Спенсер в один прекрасный день сделался политиком. Так же, как это сделал когда-то его брат Роберт, который был их светлой надеждой и который так рано ушел от них. — А Барбара хорошо выглядит, правда?

— Да. — Спенсер спокойно кивнул, думая о том, насколько хорошо отец знает своего младшего сына и знает ли он его вообще. — Как у нее дела?

— Для нее это был тяжелый удар. Но я думаю, она потихоньку оправилась. — Сказав это, старик отвернулся, боясь, что сын увидит слезы у него на глазах. — Надеюсь, мы все скоро оправимся. — Потом он повернулся и улыбнулся Спенсеру: — Мы сняли дом на Лонг-Айленде. Мы с матерью решили, что тебе он понравится. И Барбара с детьми проведут там конец августа.

Спенсер подумал о том, каким все-таки странным стало для него возвращение в семью, он уже не был уверен, что это вообще его семья. Когда он уходил на войну, ему было двадцать два, и с тех пор изменилось очень многое. И он сам сильно изменился. И теперь, когда Роберта не стало, все хо-

тят, чтобы он его заменил, прожил не свою, а его жизнь.

– Это очень мило с вашей стороны, отец. Но теперь, когда я начну работать, я не уверен, что у меня будет много свободного времени.

– Но у тебя будут выходные.

Спенсер кивнул. Они ждали, что он снова станет для них ребенком, их младшим сыном. Однако большую часть жизни он оставил где-то по пути домой из Калифорнии.

– Посмотрим. На этой неделе мне нужно подыскать квартиру.

– Пока ты не встанешь на ноги, ты вполне можешь жить здесь.

– Спасибо, пап. – Он посмотрел на отца и впервые в жизни подумал о том, что его отец в принципе уже старик, старик, потерявший со смертью старшего сына почти все надежды. – Я очень люблю вас. – Потом спросил безразличным тоном: – А Барбара встречается с кем-нибудь? – В конце концов, прошло уже три года, а она довольно привлекательная женщина. Роберту она подходила идеально. Честолюбивая, спокойная, умная и хорошо воспитанная – именно такой должна быть жена будущего политика.

– Не знаю, – честно признался отец, – мы это не обсуждали. Ты можешь как-нибудь пригласить ее на обед. Ей, наверное, ужасно одиноко.

Спенсер кивнул. Он также был не против того, чтобы видиться с племянницами, но только не сейчас. Он вдруг по-

чувствовал тяжесть всех обязательств, которые на него свалились.

Когда он в этот вечер наконец добрался до постели, он был совершенно измотан. Весь груз этих «надо» начал давить на него с невероятной силой. И постепенно погружаясь в сон, он вдруг захотел расплакаться. Он чувствовал себя ребенком, который заблудился по пути домой. Но он знал, что ему надо искать квартиру и начинать новую, свою жизнь, и чем быстрее, тем лучше.

Конец лета пролетел незаметно. Кристел помогала на ранчо и иногда забегала к сестре, чтобы поиграть с малышом. Тома вечно не было дома, он или проверял вместе с Тэдом винные погреба, или был в городе с друзьями. А Джед проводил все свободное время со своей девушкой в Калистоге. Кристел казалось, что она вдруг осталась совсем одна, ей не с кем было даже поговорить. И она все чаще и чаще стала ездить к Хироко. Японка или тихо читала, или шила, а несколько раз Кристел заставляла ее за столом с листом бумаги и с ручкой. Подруга научила девушку писать некоторые иероглифы. Хироко была доброй женщиной с мягким характером, и ее мастерство и умение делать красивые вещи все больше поражало Кристел. Хироко научила ее делать маленьких птичек из бумаги и показала, как составлять букеты. В японке не было ничего показного, что так присуще западным женщинам, она была тихой, спокойной и уютной. И так же, как Кристел, страдала от одиночества. У нее так и не появились друзья среди родственников Бойда, более того, она теперь понимала, как они ее презирают, и уже не надеялась, что что-то может измениться. Она радовалась Кристел, скоро их связала настоящая дружба. И это в тот период, когда Хироко ждала ребенка и ей особенно хотелось иметь рядом подругу.

Когда начались занятия в школе, Кристел все так же продолжала навещать подругу, просиживая у них в домике целыми часами перед камином и делая уроки. Ей все меньше хотелось бывать дома. Мать все время проводила с Бекки, а бабушка вечно ругала ее. Единственный, кто всегда встречал ее добрым словом, — это отец, но он опять заболел. Как-то после Дня благодарения Кристел призналась Хироко, что очень волнуется за отца. Он выглядит бледным и уставшим, кашляет не переставая. Это пугало ее. Человек, который всю жизнь казался нестигаемым, угасал на глазах. У него снова открылось воспаление легких, и он целыми неделями не выходил из дома. Кристел хотелось удержать его. Она понимала, что если потеряет отца, то жизнь для нее кончится. Он ее единственный друг, ее союзник, яростный защитник, все остальные либо безразличны к ней, либо откровенно не выносят ее. А она просто не хотела жить так, как жила Бекки. Она не хотела целыми днями сидеть с ней на кухне, пить кофе и готовить еду; она не хотела сплетничать с другими женщинами и выходить замуж за такого человека, как Том, рожать от него детей. Том Паркер за эти два года ужасно растолстел, он непрерывно пил пиво и не делал этого только по выходным, когда напивался виски.

Кристел знала, что она не такая, как все. Она чувствовала себя чужой среди них и понимала, что отец тоже это знает. И Хироко. Она уже давно призналась своей доброй подружке-японке, что мечтает сниматься в кино. Но пока она не

могла уехать и бросить отца. Даже ради своей мечты. Но однажды... может быть, в один прекрасный день... Мечта о Голливуде не оставляла ее... Так же как и мечта о встрече со Спенсером. Но об этом она никогда не говорила ни Хироко, ни Бонду, хотя теперь она часто изливала им душу. Они были ее единственными друзьями. До Хироко у нее никогда не было подруги, и прошло много времени, прежде чем Кристел смогла действительно полюбить ее. Японка тоже привязалась всей душой к этой милой девушке.

Кристел часто сетовала, что вряд ли ей удастся уехать из долины, скорее всего ее мечты никогда не осуществятся. По-своему она очень любила долину. Это была ее родина, здесь живет ее любимый отец. Она любила землю, деревья, гряды холмов, громоздящиеся за ними горы. Ей нравился даже запах этих мест, особенно весной, когда все такое свежее, новое, а дожди, омывая молодую зелень, заставляют ее сверкать.

Если она проживет здесь всю жизнь, это не будет для нее злым роком, даже если мечты о Голливуде никогда не осуществятся. Она только не хотела выходить замуж за такого парня, как Том Паркер. При одной мысли об этом она содрогалась.

– Он что, плохо обращается с твоей сестрой? – Иногда Хироко спрашивала ее о ком-то из соседей. Но для японки они все так и оставались чужими, даже сестра ее мужа, которая все-таки успела выйти замуж, прежде чем у нее родился

ребенок.

– Мне так кажется, особенно когда он пьяный. Она мне, конечно, ничего не говорит. Но несколько недель у нее был синяк под глазом. Она сказала, что упала с табуретки. Но мать наверняка знает правду. – Эти две женщины все так же избегали Кристел. Впрочем, ее избегали все женщины. Ее красота пугала всех, кто знал ее, кроме этой миниатюрной японки, которая сама была так не похожа на других. Они были подходящей парой: одна – высокая и стройная, другая – маленькая; у одной волосы блестящие и черные, а у другой – пушистые и длинные, цвета платины; одна такая свободная и необузданная в своих поступках, а другая – сама деликатность и сдержанность. Казалось, они пришли из разных миров, чтобы встретиться здесь и стать сестрами.

– Может быть, ты когда-нибудь прославишься в Голливуде, а мы с Бойдом приедем навестить тебя.

Они шли по дороге от дома Вебстеров, делясь друг с другом своими мечтами. Кристел рассмеялась. Хироко мечтала, что когда-нибудь у нее будет хороший дом и много детей. Кристел же хотела петь и уехать из этой долины, где ее никто не любил. Но между Кристел и Хироко было и нечто общее – обе они были изгнанницами.

Хироко необходимо было гулять, но она не любила выходить одна. Кристел всегда с радостью сопровождала ее. Они могли бродить и разговаривать часами. Хироко восхищалась каким-нибудь крошечным цветком, или необычным листом,

или яркой бабочкой, а потом, придя домой, рисовала увиденное. Они обе очень любили природу. И Кристел чувствовала себя с ней настолько свободно, что позволила себе слегка поддразнить подругу:

– Ты замечаешь все эти мелочи, потому что маленькая, гораздо ближе к земле, чем я, Хироко.

Японка рассмеялась, и они заговорили о том, как было бы здорово поехать вместе в город. Однако они хорошо знали, что им не следовало показываться вместе где бы то ни было. Это вызвало бы невообразимую бурю среди соседей. Бойд как-то пригласил Кристел поехать с ними в Сан-Франциско, но она побоялась исчезать так надолго, мать обязательно бы заметила, да и отцу она могла понадобиться в любой момент.

К Рождеству отец так ослаб, что не мог вставать с постели, и Кристел не приходила к Вебстерам в течение нескольких недель. И когда в конце января она наконец пришла, лицо у нее было отсутствующим. Тэд Уайтт умирал. Она сидела в маленькой кухоньке и безутешно рыдала, а старшая подруга обнимала ее за плечи. Кристел казалось, что ее сердце разорвется на части, – отец слабел с каждым днем. Все на ранчо целыми днями плакали. Бабушка Оливия, Бекки. А Джед вообще не появлялся, он не мог видеть, как отец умирает. Кристел просиживала около отца часами, заставляя его есть и шепотом разговаривая с ним. Иногда, когда он спал, она молча сидела, глядя на него, и слезы беззвучно катились у нее по щекам. Он хотел, чтобы Кристел была рядом с ним,

именно Кристел он звал в бреду; открывая глаза, он тут же принимался искать Кристел. Редко он видел около себя жену и почти никогда — Бекки. Они стали для него чужими, такими же чужими, какой была для них Кристел. И именно она все это время нежно ухаживала за отцом, даже помогала матери купать его. Но эта привязанность злила Оливию. Она считала существующую между ними любовь ненормальной, и если бы муж не был болен, то она не преминула бы сказать ему об этом. Вместо этого она вообще перестала разговаривать с Кристел, но дочь это нисколько не волновало. Она продолжала заботиться только об отце. В эти дни она даже совсем забыла о Спенсере.

Бекки снова забеременела, а Том иногда пытался следить за ранчо, хотя большую часть времени пьянствовал. Кристел клокотала в душе от ярости, она готова была разорвать его на части, когда он приезжал к ним в дом. Она еле сдерживалась, чтобы не сказать ему все, что она думает, но ради отца приходилось молчать. Она не хотела беспокоить его, надеясь, что все изменится, но к февралю стало ясно, что перемен к лучшему не будет.

Кристел сидела неподвижно день и ночь у его постели, держа его за руку, не отходила от него ни на шаг, она не видела его, только когда он был в ванной или когда она сама бегала на кухню, чтобы быстренько что-нибудь перекусить. Она ужасно боялась, что в ее отсутствие он умрет. Она не ходила в школу и вообще не выходила из дому, только

иногда выскакивала на крыльцо подышать свежим воздухом. Несколько раз вечером, перед тем как стемнеет, она бегала на реку. Один раз Том проследил за ней и видел, как она сидела с отсутствующим видом, погруженная в свои мысли, думая об отце, о Спенсере. Она ничего о нем не слышала с тех пор, как он приезжал на крестины маленького Вилли. Но она и не надеялась услышать. Бойд получил от него письмо на Рождество, в котором он писал, что доволен своей жизнью в Нью-Йорке и ему нравится работа. Он пообещал дать им знать, если соберется приехать в Калифорнию. Но сейчас он слишком далеко, чтобы помочь ей. Теперь ей никто не мог помочь, кроме Господа. И она постоянно молилась, прося Его о том, чтобы Он оставил ей отца. Но в глубине души она знала, что этого не произойдет.

В ту ночь она как всегда сидела около старика, глядя, как он дремлет. После полуночи он вдруг открыл глаза и огляделся. Сознание вернулось к нему, и он улыбнулся Кристел. Мать спала на кушетке в гостиной, а Кристел вот уже много ночей подряд дремала на стуле возле его кровати. Сейчас она тут же проснулась, как только он пошевелился, и поднесла к его губам чашку с водой.

– Спасибо, малышка. – Он заговорил, и его голос звучал немного тверже, чем раньше. – А теперь тебе надо идти спать.

– Я не устала, – проговорила она сквозь дремоту, хотя ей действительно очень хотелось спать. Но если она уйдет, он может умереть, а пока она сидит здесь, может быть, он будет жить... может быть, пока она здесь... – Хочешь немного супа? Сегодня вечером бабушка сварила суп из индюшки, очень вкусный.

Ее белокурые волосы рассыпались по плечам, как белое покрывало, и он смотрел на нее с любовью. Он бы хотел жить вечно только ради того, чтобы защищать ее. Он знал, как все вокруг не любят ее, даже ее собственная мать. А все из-за ее красоты. Даже все мальчишки в долине боятся ее – она им кажется слишком красивой, чтобы быть настоящей, и все-таки она слишком, слишком реальна. Он очень хорошо ее

знал и гордился своей дочерью. Она настолько же смелая, естественная и умная, насколько красивая. Уже несколько месяцев он подозревал, что она ходит в гости к Хироко, и, хотя ему не очень нравилось, что они дружат, он не пытался отговорить ее. Ему хотелось спросить ее, что она находит в этой дружбе, но в конце концов решил не делать этого. Она имела право на свою собственную жизнь и на свои тайны. У нее так мало удовольствий. Он отказался от супа и лежал, откинувшись на подушки и просто глядя на дочь. Умиравший отец молился о том, чтобы жизнь была добра к ней и чтобы когда-нибудь она встретила хорошего человека и была с ним счастлива.

– Никогда не покидай этих мест навсегда... – Он произнес эти слова почти шепотом, и она сначала не поняла его.

– Что, папочка? – Ее голос был таким же тихим, как и его, но пальцы, сплетенные с пальцами старика, были намного сильнее.

– Ранчо... долину... Ты родилась здесь, и конечно, я хочу, чтобы ты увидела мир... но это... – казалось, что ему тяжело дышать, – но это ранчо... знай, оно всегда принадлежит тебе... и всегда будет принадлежать.

– Я знаю об этом, папочка. – Она не хотела говорить об этом. Похоже, он прощается с ней, а она не могла этого ему позволить. – А теперь постарайся уснуть.

Но он покачал головой. На это у него уже не оставалось времени. Скоро он уснет навечно, а сейчас ему нужно пого-

ворить в последний раз со своей младшей дочерью, со своей любимицей, со своей малышкой.

– Том не знает, как управляться с ранчо. – Она и сама это уже давно поняла, но не стала говорить об этом отцу, а только кивнула. – И в один прекрасный день Джед захочет заниматься чем-нибудь другим, он не любит землю... так, как любим ее мы... ты и я... Когда ты посмотришь мир и когда не станет твоей матери, Кристел, я хочу, чтобы ты вернулась сюда... Найди хорошего человека, который не станет обижать тебя, мою маленькую девочку... – Он улыбнулся ей, и ее глаза наполнились слезами, в то время как пальцы сжимали его руку. – И живите с ним здесь счастливо...

– Не говори так, папочка... – Она едва могла говорить сквозь душившие ее слезы и, прижавшись щекой к его щеке, поцеловала его в лоб. Он был холодный и влажный. Она поднялась и посмотрела на него. – Ты единственный человек, с кем я хочу быть рядом. – Но на какой-то безумный миг она вдруг захотела сказать ему о Спенсере, о том, что она встретила человека, который ей понравился... очень понравился... так что она даже влюбилась в него... Но он был для нее только мечтой, подобной тем, которые висели на стене в ее комнате. Спенсер Хилл никогда не станет реальностью в жизни Кристел Уайтт. – Тебе действительно необходимо поспать, папочка. – Ей оставалось сказать ему только одно, прежде чем он, совершенно измученный, перестанет дышать. – Я люблю тебя, папочка, – прошептала она, когда

его глаза уже почти закрылись, но он вдруг снова открыл их и, глядя на нее, улыбнулся.

– Я тоже люблю тебя, малышка. Ты всегда была моей малышкой... моей любимой, самой любимой Кристел... – С этими словами его глаза закрылись, и лицо сделалось спокойным, он уснул, а она все держала его руку в своей и смотрела на него. Потом, не выпуская его руки, откинулась на спинку стула и тоже заснула, совершенно измученная долгими ночами, проведенными у его постели. Проснувшись, она увидела, что небо уже светлеет, в комнате холодно и ее отец умер, не выпуская ее руки из своей. Его последние слова, его последние мысли и его прощание были для Кристел. Она аккуратно освободилась от его руки, полными слез глазами в последний раз посмотрела на него, вышла из комнаты и закрыла дверь. Не говоря никому ни слова, она со всех ног выбежала из дома и бросилась к реке. Она плакала навзрыд, ее тело сотрясало от рыданий, пока она стояла на берегу. Вернувшись домой, она увидела, что мать громко рыдает на кухне, а бабушка молча готовит кофе. Они уже видели его.

– Твой отец умер, – произнесла Минерва почти грубо, когда Кристел вошла в кухню с заплаканным лицом. Эти слова прозвучали как обвинение, а не как сожаление, как будто Кристел могла что-то сделать, чтобы помешать этому. Она кивнула, боясь показать им, что она знала об этом еще до того, как ушла из дома. Она вспомнила его слова, которые он сказал ей ночью: «Я хочу, чтобы ты когда-нибудь верну-

лась сюда...»

Он знал, как сильно она любит ранчо, она сама — часть этого уголка земли и останется здесь навсегда. И ее отец всегда будет для нее жить здесь, в этом доме, но еще реальнее он будет с ней среди этих холмов, скачущий на лошади или сидящий за рулем своего трактора, ползущего по виноградникам.

Джеда послали в город, чтобы он привез похоронного агента. Друзья и соседи Тэда приходили все утро, чтобы выказать соболезнования, жена и теща покойного стояли возле него, пожимали всем руки и плакали. Оливия сквозь слезы ласково смотрела на Тома, в то время как Кристел из всех сил старалась не показать своей ненависти к нему. Мысль о том, что он теперь владелец ранчо, заставляла ее содрогаться от отвращения. Но сейчас она об этом не думала. Она думала только об одном человеке, которого она так любила. О своем отце. Теперь его не стало, и она чувствовала себя брошенной, одинокой и напуганной среди чужих людей.

Похороны состоялись на следующий день. Его похоронили прямо на берегу реки. Это место Кристел хорошо знала. Она часто приходила сюда, чтобы посидеть и подумать, и ей стало немного легче от мысли, что отец будет здесь, рядом с ней, всегда сможет наблюдать за ней. Она знала, что он навсегда остался с ней. И в тот же день после обеда она решила ненадолго отлучиться и проведать Хироко. Ребенок должен был родиться через несколько недель, и японка медлен-

но поднялась ей навстречу, когда Кристел бесшумно вошла к ним в гостиную. Ее глаза были полны сожаления: Бойд уже сказал, что Тэд Уайтт умер. Ей очень хотелось тут же пойти к подруге, но она знала, что не может этого сделать. Ее бы просто не пустили к ней. Но теперь она сама здесь, похожая на растерянного ребенка, и тут же начала всхлипывать, обняв Хироко. Кристел плакала, и сердце у нее ныло. Она знала, что теперь, без отца, жизнь круто изменилась. Он оставил ее одну среди людей, которые не любили ее никогда.

Кристел пробыла в доме Вебстеров несколько часов, и когда вернулась домой, было уже темно. Ее ждала мать. Она с каменным лицом сидела на кушетке гостиной и зло уставилась на дочь, когда та вошла, печальная и уставшая.

– Где ты была?

– Я не могла оставаться здесь. – Это было правдой. Она не могла выносить той угнетающей атмосферы и присутствия тех людей, которые все приходили и приходили, час за часом, неся подарки и продукты, чтобы поддержать их в горе. Но никакие подарки и продукты не могли заменить ей отца.

– Я спросила тебя, где именно ты была.

– На улице, мама. Это не имеет значения где. – Она ездила к Вебстерам верхом, так как жили они довольно далеко, а Кристел очень устала, чтобы идти пешком.

– Ты спишь с каким-нибудь мальчишкой, так?

Кристел в изумлении уставилась на мать. Она не выходила никуда последние несколько недель и вообще не покидала

комнату отца.

– Конечно, нет. Как ты можешь такое говорить? – Ее глаза наполнились слезами от обиды за эти жестокие слова.

– Я знаю, ты чем-то занимаешься, Кристел Уайтт. Я прекрасно знаю, в каком часу ты должна возвращаться из школы. А ты целыми днями шляешься где-то до темноты. Думаешь, я совсем дура? – Оливию душила ярость, по ее виду нельзя было сказать, что она только что похоронила мужа. Из скорбящей вдовы она в один момент превратилась в ведьму.

– Мама, не надо... пожалуйста. – Только утром они похоронили отца, и тут же вся ненависть и незаслуженные обвинения вышли наружу.

– Ты закончишь так же, как Джинни Вебстер. Ей еще повезло, что она успела выйти замуж, когда была на седьмом месяце.

– Но это же неправда. – Кристел едва могла говорить, слезы душили ее, она думала об отце, которого потеряла, и не могла поверить, что собственная мать может так жестоко обвинять ее. Конечно, она замечала отсутствие Кристел, когда та ходила к Бойду с Хироко.

– Твоего отца уже нет, это он вечно позволял тебе беззастенчиво лгать. И не думай, что тебе удастся так же дурачить меня. Если будешь злить меня, Кристел Уайтт, то живо уберешься отсюда. Я не позволю, чтобы ты носилась как бешеная! Это приличный дом, нечего забывать об этом!

Кристел невидящими глазами смотрела, как мать вошла в

комнату, в которой умер ее отец. Отца нет, и никто на свете не заступится за нее. Она стояла посреди гостиной и вслушивалась в тишину, царящую в доме. И как никогда она жалела в эту минуту, что потеряла отца. Потом она медленно вошла в свою комнату и легла на кровать, которую когда-то делила со своей сестрой. Она продолжала думать о том, почему же они ненавидят ее так сильно. Ей никогда бы не пришло в голову, что, может быть, это оттого, что отец ее так любил. Но не только из-за этого, а еще и оттого, как она выглядела... как двигалась... и как она на них смотрела. Лежа на кровати, она понимала, что теперь ее жизнь никогда не будет уже такой, как раньше. Отец оставил ее одну. И в тишине комнаты она начала плакать, ей было страшно.

Ребенок у Хироко родился позже назначенного срока. Она родила его не в марте, а только третьего апреля. Кристел пришла в тот день провести ее. Хироко выглядела усталой и больной, но в отличие от Бекки никогда не жаловалась и оставалась дружелюбной и ласковой, всегда приветливо встречала подругу. Прошло уже шесть недель со смерти отца Кристел, и она теперь приходила к Хироко почти каждый день. На ранчо ей было неуютно и одиноко, мать срывалась по всяким пустякам. Кристел думала, что мать очень переживает смерть Тэда и не знает, как выразить свою боль. Она поделилась своими мыслями с Хироко, и та согласилась, что это возможно, но Бойд по секрету сказал жене, что Оливия никогда не любила свою младшую дочь, даже когда та была еще маленькой. Он не раз замечал, что она могла отлупить Кристел из-за какого-нибудь пустяка, в то время как всегда открыто баловала Ребекку. Видимо, ей не нравилось, что Тэд души не чаял в Кристел, и об этом знали все, даже дети их друзей. Это был как бы всеобщий секрет в долине.

Хироко с Кристел спокойно провели послеобеденное время, и девушка вернулась домой в сумерках. Матери не было на ранчо – она с Бекки уехала в город, – и Кристел помогала бабушке накрывать на стол. С тех пор как умер отец, Кристел сильно похудела, ей никогда не хотелось есть. Так было

и в тот вечер. Она почти не притронулась к еде и рано ушла спать. Проснувшись на рассвете, она оседлала лошадь и решила прогуляться по окрестностям, а заодно навестить Вебстеров. Была суббота, и девушке не надо было идти в школу, кроме того, она знала, что ее друзья – тоже ранние пташки. Когда она добралась до их дома, Бойд встретил ее на пороге. Он выглядел уставшим и очень встревоженным. Роды у Хироко начались еще ночью, но ребенок никак не появлялся. Он позвонил местному врачу, но тот отказался прийти, заявив, что миссис Вебстер не его пациентка. Это был тот самый доктор, который отказался осматривать ее восемь месяцев назад, и с тех пор он не изменил своего решения. Бойд понял, что ему придется самому принимать у жены роды. У него не было никакой возможности отвезти ее в Сан-Франциско. Доктор Йошикава в свое время дал ему на всякий случай книгу, но, к сожалению, с родами было не все в порядке. У Хироко начались сильные схватки, он видел головку ребенка, но, как она ни тужилась, ребенок не выходил. Он быстро объяснил все это Кристе, и она услышала, как японка стонет в доме.

– А как насчет доктора Чандлера?

Чандлер не практиковал уже много лет и был почти слепой, но все-таки это был хоть какой-то специалист. В Кали-стоге жила повитуха, но она тоже давно отказалась иметь дело с Хироко.

– Он уехал в Техас навестить дочь. Я пытался дозвониться

до него со станции этой ночью. — Бойд уже серьезно подумывал о том, чтобы отвезти жену в Сан-Франциско, но боялся, что она может потерять ребенка.

— Можно я взгляну на нее? — Кристел не раз видела, как рожают животные, но никогда не видела рожавшей женщины. И, следуя за Бойдом в гостиную, она почувствовала, как у нее по спине от страха бегают мурашки.

Хироко корчилась на кровати, страдая от невыносимой боли, ей казалось, что ребенок набухает у нее внутри. Она беспомощно посмотрела на Кристел и опять зарылась в подушки.

— Ребенок не выходит... — Следующая волна боли подбросила ее, в то время как Кристел молча смотрела, а Бойд подошел и взял жену за руку. Кристел охватило чувство невыносимой жалости. Она испугалась, что ребенок может умереть или, что еще хуже, может умереть Хироко.

Не говоря ни слова, Кристел вымыла руки и вернулась с несколькими чистыми полотенцами. Постель вся была пропитана кровью, а длинные черные волосы Хироко прилипли к лицу. Кристел заговорила с твердостью, которой сама от себя не ожидала:

— Хироко, давай мы поможем тебе...

Она взглянула в глаза подруги, умоляя ее, чтобы она осталась жива, и молясь про себя, чтобы ребенок тоже остался жив. Она вспомнила, как они с отцом принимали роды у лошадей, и, закусив губу, молила Господа, чтобы этих знаний

ей хватило. Но все равно им больше не на кого надеяться. Ни один человек в городе не придет сюда.

По щекам Хироко градом катились слезы, но она не издала ни звука, пока Кристел осматривала ее и разглядывала головку ребенка. На ней были темно-рыжие волосики, как бы смешанный цвет волос Бойда и Хироко.

– Ребенок не выходит... – Она всхлипывала от боли, а Бойд посоветовал ей попробовать еще раз. И когда она все это сделала, Кристел вдруг увидела, что головка ребенка продвинулась еще на один дюйм.

– Давай, Хироко, продолжай... теперь он двигается... поднатужься еще раз...

Но Хироко была слишком слаба, боль совершенно изматывала ее, и тут Кристел поняла, в чем дело. Ребенок двигался лицом вверх, а должен был – вниз. Необходимо перевернуть его. Она не раз это делала, когда принимала роды у лошадей, но сейчас ее привела в ужас мысль, что ей придется это делать с подругой.

Она посмотрела на Бойда и объяснила ему. Она знала, что если они не перевернут ребенка, то он скорее всего умрет или умрет Хироко. Кристел поняла, что действовать надо немедленно.

Еще одна схватка скрючила тело Хироко, но на этот раз Кристел не стала просить ее тужиться. Вместо этого она аккуратно засунула руки в ее лоно и, нащупав ребенка, затаив дыхание осторожно перевернула его. Хироко вскрикнула,

но Бойд крепко держал ее. Последовала еще одна схватка, и Хироко напряглась, как бы пытаясь освободиться от рук Кристел. И как только девушка убрала руки, головка начала медленно продвигаться. Хироко напряглась изо всех сил, как только могла. Боль была невыносимой, но малыш начал двигаться, и Кристел радостно вскрикнула – показалась вся головка, и, хотя тело было еще в лоне матери, ребенок уже заплакал. Слезы катились по щекам Кристел, когда она помогала Хироко освободиться от ребенка.

В комнате на секунду воцарилась тишина, а затем Хироко снова почувствовала схватки, но теперь она уже плакала и смеялась от радости, слыша, как кричит ее малыш. И вдруг ребенок вылетел из нее. Это была девочка. Все трое смотрели на нее в немом изумлении. Следом за ней появилась плацента, и Бойд избавился от нее, как было написано в книге. Но вообще-то книга им не пригодилась. Ребенка, без всякого сомнения, спасла Кристел, и теперь она смотрела на девочку с благоговением. Она очень походила на мать, и Хироко со слезами на глазах прижала ее к себе.

– Спасибо... спасибо... – Она была слишком слаба для того, чтобы сказать что-то еще, ее глаза закрылись, она заснула, но во сне продолжала прижимать к себе малышку, а Бойд смотрел на них и плакал.

– Ты спасла ее... ты спасла их обоих... – На глазах у него были слезы радости и облегчения.

Кристел медленно вышла из комнаты. Солнце поднялось

уже высоко в небе, и она поняла, как долго продолжались роды. Прошло несколько часов, в течение которых она старалась спасти подругу и ее малышку.

Через некоторое время вышел Бойд и приблизился к ней. Девушка сидела на траве и думала о том, как все-таки замечательно устроен мир и малышка такая красивая! Цвет кожи у нее был такой же, как у Хироко, и такой же, как у нее, восточный разрез глаз, но в ее облике было что-то и от Бойда. Улыбнувшись про себя, Кристел подумала, появятся ли у нее когда-нибудь веснушки. Новоиспеченный отец выглядел повзрослевшим. Он, переминаясь с ноги на ногу, стоял рядом с Кристел и подбирал слова, которыми мог бы отблагодарить ее.

– Как она? – Кристел все еще волновалась и настаивала, чтобы они позвонили доктору. Ведь может возникнуть опасность инфекции.

– Они обе спят, – улыбнулся он, усаживаясь рядом с ней. – И обе такие красивые.

Кристел улыбнулась в ответ. Они оба повзрослели этим утром. Для них обоих жизнь стала другой, и это чудо рождения ребенка, которое они пережили, будет для них незабываемым в жизни.

– Как вы хотите ее назвать?

– Джейн Кейко Вебстер. Я хотел бы назвать ее просто Кейко, но Хироко хочет, чтобы у нее было американское имя. Может быть, она и права. – Сказав это, он вдруг погрузился

и оглядел долину, в которой они оба выросли. — Кейко, так звали ее сестру, которая погибла в Хиросиме.

Кристел кивнула, Широко рассказывала ей об этом.

— Она красивая хорошенькая малышка, не обижай ее, Бойд. — Посмотрев на него, она вдруг поняла, что ей незачем было говорить это. Ему двадцать четыре года, и они знали друг друга с самого детства. Когда-то Бекки отказала ему, но сейчас это забылось. А Кристел всегда жалела об этом. Он был добрым, мягким человеком, совсем не таким, как Том Паркер. Разговаривая с ним, она мечтательно смотрела на холмы, это был чудесный весенний день, солнце всюду светило на небе. — Мой отец всегда был очень добр со мной. Он был самым лучшим человеком, которого я когда-либо знала. — Ее глаза наполнились слезами, и, повернувшись к Бойду, она вытерла их уголком рубашки.

— Ты, наверное, очень скучаешь без него.

— Да, конечно. И... не только это, сейчас все стало по-другому. Мы с мамой никогда не были близки. Она всегда больше любила Бекки. — Кристел сказала это прямо и с легким вздохом улеглась на теплую траву. Вдруг вспомнив о хорошем, снова улыбнулась. — Мне кажется, она всегда думала, что отец балует меня. Наверное, так оно и было. Но я никогда не обращала на это внимания. — Она тихонько рассмеялась и на мгновение сделалась совсем юной.

— Мне пора вернуться к ним. Может, нужно заставить ее поесть, как ты думаешь? — Бойд не знал, что ему делать, и

Кристел улыбнулась.

— Когда она проголодается. Мама говорила, что Бекки после родов ела как лошадь, но она родила Вилли гораздо легче. Скажи ей, чтобы она относилась к этому проще. — Она тоже поднялась. — Я постараюсь прийти и навестить вас сегодня или завтра, если меня отпустят. — Мать всегда находила для нее работу. А сейчас, когда Бекки ждала ребенка, она постоянно просила, чтобы Кристел убиралась дома у сестры или помогала со стиркой. Она иногда чувствовала себя рабыней, вылизывая гостиную Бекки, в то время как та с матерью пила на кухне кофе.

— Береги себя, Кристел. — Бойд стоял, растерянно глядя, как она отвязывает лошадь. И потом, застенчиво покраснев, подошел и поцеловал ее в щеку. — Спасибо тебе, Кристел, — его голос был хриплым от переполнявших его чувств, — я этого никогда не забуду.

— Я тоже. — Она посмотрела ему прямо в глаза, они были почти одного роста, в руках у нее были поводья. — Поцелуй от меня Джейн. — Потом она легко вскочила в седло и еще раз посмотрела на него. В этот момент она вдруг вспомнила о Спенсере. Они с Бойдом стали намного ближе друг к другу после родов, и ей даже захотелось рассказать ему все. Но рассказать о чем? Что она влюблена в человека, который наверняка уже давно забыл о ней? В конце концов, они видели друг друга только два раза в жизни. Но все-таки она ехала домой, улыбаясь про себя, думая о малышке, спящей на

руках Хироко, и о Спенсере. Это было все, что у нее оставалось: мечты о нем и память об отце, да еще фотографии кинозвезд, висящие в ее комнате.

– Где ты была целый день? Я искала тебя повсюду. – Мать ждала ее на кухне. И вдруг на какой-то безумный миг Кристел захотелось рассказать матери о том, что произошло. Это было так здорово и необычно и очень, очень страшно для нее. Для девочки, которой еще не было и семнадцати. Она вдруг поняла, что такое быть женщиной.

– Я ездила верхом. Я ведь не знала, что понадобится тебе.

– Твоя сестра плохо себя чувствует. Я хочу, чтобы ты пошла и помогла ей. – Кристел кивнула. Бекки никогда не чувствовала себя хорошо, во всяком случае, Кристел об этом не слышала. – Она хочет, чтобы ты посидела с Вилли. – Все та же старая история.

В раковине Оливия оставила грязную посуду. Кристел помыла ее и пошла через поле к коттеджу. Том слушал радио, комната вся пропахла запахом пива. Маленький Вилли ползал по полу в распашонке и ползунках. В комнате царил страшный беспорядок, а Бекки лежала в спальне на кровати и курила сигарету. Кристел спросила, будет ли она завтракать, и сестра кивнула, даже не взглянув на нее. Кристел пошла назад в кухню, чтобы приготовить ей сандвич.

– Сделай мне один, хорошо, малыш? – попросил ее Том пьяным голосом. – И дай мне еще одну бутылку пива из холодильника, ладно?

Кристел прошла в гостиную, отдала Тому пиво и взяла на руки Вилли. Малыш занимался тем, что лил в пепельницу молоко из своей бутылочки с соской. Он радостно загугукал, когда Кристел взяла его. От него отвратительно пахло, и Кристел поняла, что никто не подумал поменять ему ползунки с самого утра.

— Где это ты пропадала? Я слышал, как мама искала тебя повсюду. — На Томе была нижняя рубашка, под мышками проступали пятна пота, он весь напрягся, наблюдая за Кристел. Его жена стала толстой и вечно жаловалась. Эти женщины были настолько разными, что никто бы не подумал, что они сестры.

— Ходила к друзьям, — кратко ответила Кристел, держа на руках ребенка.

— Завела себе дружка?

— Нет, — фыркнула она, направляясь обратно в кухню. Ее ноги казались еще длиннее из-за джинсов. Он залюбовался ее фигурой, пока она делала ему сандвич.

Только к обеду Кристел смогла попасть домой. Она успела убраться, приготовить завтрак, искупать малыша Вилли. У нее сердце разрывалось на части, когда она видела, как они с ним обращаются. А теперь у них будет еще один ребенок, который тоже будет расти без присмотра, как дикая трава, крича по полдня от голода, пока Бекки соизволит приготовить малышу обед. Том куда-то ушел, прежде чем она закончила, и Кристел вздохнула с облегчением. Ей совсем не нравился

взгляд, которым он смотрел на нее, и все его вопросы насчет дружков. У нее нет никаких дружков. Никого, кроме Спенсера, да и то в мечтах. Остальные слишком боялись Кристел, и ее это вполне устраивало. Ни с одним из этих парней она не согласилась бы даже поговорить. Они все слишком зависимы от этой долины. Они даже представить себе не могут, что вокруг существует огромный мир, и никто из них никогда не пытался открыть его для себя. В отличие от Кристел, мечты которой всегда были устремлены далеко за пределы Александровской долины.

Бекки и не подумала поблагодарить сестру. Дома, на ранчо, мать заставила ее фаршировать помидоры к обеду. Кристел сделала все, что ей велели, но устала смертельно и, отказавшись от обеда, сразу же пошла в постель. Она немного подумала о Хироко и пообещала себе, что обязательно завтра выберется навестить их после церкви. Надо только придумать, как улизнуть от матери и сестры. А то они постоянно находят для нее кучу работы. При отце все было совершенно иначе. Когда она в течение двух летних месяцев помогала отцу на ранчо, ведь кто-то готовил еду, убирал комнаты и на кого-то они ведь кричали и без нее. Она замечала, с какой ненавистью смотрит на нее мать. Оливия презирала ее, но почему — девушка не могла понять, ведь она ничего плохого не делала, она просто очень любила отца.

В июне закончились занятия в школе, осталось отучиться всего один год. А что потом? Жизнь останется прежней.

Кристел будет продолжать делать для них всю эту работу на ранчо и смотреть, как Том разрушает все, что с таким трудом строили ее отец и дед, приводит в упадок ранчо, которое ее отец так любил. В конце этого года он собирался вырубить виноградники, так как не успел вовремя засадить их, и он уже продал большую часть скота, мотивируя это тем, что с ним слишком много возни. Он положил деньги в банк на свое имя, и это заметно пошатнуло доход ранчо.

Второй малыш Бекки родился сразу после того, как Кристел перестала ходить в школу. На этот раз родилась девочка, точная копия своего отца. Но Кристел привязалась к дочурке Бойда и Хироко, и она по-настоящему радовала ее сердце. Супруги крестили ее в Сан-Франциско и попросили Кристел быть ее крестной. После этого ей пришлось очень долго объяснять матери, где она отсутствовала целый день, но на этот раз Кристел согласилась поехать с ними, ее заранее притягивало то, что она там увидит. Она вернулась в долину довольная и полная новых впечатлений.

В этот год стояло замечательное лето. Кристел исполнилось семнадцать, она проводила целые дни у Бойда и Хироко, забавляясь с их дочуркой. Малышка Джейн очень походила на Хироко, и в то же время в ней все больше черт появлялось от Бойда: выражение глаз, улыбка и, конечно, темно-рыжие волосы, как бы смесь из цвета волос Бойда и Хироко. Кристел целыми часами могла лениво валяться на траве под деревом в их садике, забавляясь с девочкой, чувствуя

тепло, исходящее от весело смеющейся малышки. Эти визиты к ним стали для нее самым счастливым времяпрепровождением. Домой она возвращалась только к вечеру, когда нужно было помочь матери и бабушке готовить обед. Как и Том, мать время от времени подозревала ее в том, что она завела себе друга, и постоянно твердила ей, что она должна помогать Бекки с ее детьми. Но Кристел было не до них. Впрочем, как и Бекки. Все в долине говорили о том, что Том опять завел шашни с Джинни Вебстер. И Кристел верила в это. Она как-то спросила об этом у Бойда. Он пожал плечами и сказал, что не верит в сплетни, но при этом покраснел так, что его лицо сделалось такого же цвета, как и его волосы. Значит, это правда, и Кристел задумалась, а мог бы Том позволить себе такое, будь жив Тэд Уайтт? Но теперь это не имело значения. Тэд умер, и Том Паркер мог делать все, что ему заблагорассудится.

Том и Бекки крестили девочку в конце лета, незадолго до того, как начались занятия в школе. Но на этот раз мать не устраивала большого застолья, и Спенсер не приехал. Они пригласили на обед лишь несколько друзей, Том напился и рано ушел домой, в то время как Бекки сидела на кухне с матерью и плакала. Кристел медленно спустилась к реке и села возле того места, где был похоронен отец. Ей с трудом верилось, что еще год назад он был жив, а она сидела на качелях, разговаривая со Спенсером. Кристел понимала, что была тогда еще ребенком, чего нельзя было сказать о ней те-

перь. Прошедший год оказался очень тяжелым, слишком велика была утрата и слишком глубока была скорбь. Ей всего семнадцать, но можно с уверенностью сказать, что Кристел Уайтт стала взрослой женщиной.

Приглашение пришло в офис, и Спенсер улыбнулся, увидев его. Отец оказался прав. Он уже прочел об этом в газетах неделю назад. Гаррисон Барклай назначен в Верховный суд, и Спенсер Хилл приглашен на банкет в честь его назначения.

Для Спенсера год выдался удачным, наполненным тяжелой работой, общением с людьми, которые ему нравились. Андерсон, Винсент и Соброк оказались слегка старомодными, но ему это импонировало. И дела у него шли отлично. Он стал уже ассистентом одного из партнеров. Отец тоже был им доволен. Поначалу у них с отцом возникли некоторые разногласия, в основном из-за Барбары. В то лето, когда он приехал домой, его родители сняли дом на Лонг-Айленде, и Барбара со своими дочерьми провела в нем большую часть августа. Алиса и Вильям Хилл решили, что Спенсер тоже должен поехать туда. В конце концов он понял, что этого ему не избежать. Он провел там два уик-энда. Барбара тоже жила там. Сердца его родителей наполнились надеждой. Мать постоянно говорила, как она его ждала, отец добавлял, что она, без сомнения, любит его. В результате Спенсер взорвался. Она ждала вовсе не его, а Роберта, и вовсе не его вина, что брат убит на войне в Тихом океане. Она милая женщина, и ему очень нравились племянницы, но она вдова Роберта.

Спенсеру достаточно, что он стал адвокатом. Он не обязан ни родителям, ни своему старшему брату настолько, чтобы еще и жениться на его вдове.

Барбара покинула дом вся в слезах, а потом последовала отвратительная сцена с родителями. Вскоре после этого он тоже уехал из Лонг-Айленда. Он не виделся с родителями до тех пор, пока окончательно не встал на ноги. Между тем Барбара с девочками вернулись в Бостон, и вскоре он услышал, что она встречается с сыном одного очень влиятельного политика. Для нее это была прекрасная партия, и он очень надеялся, что она наконец успокоится.

Спенсер не хотел упустить свой шанс, он решил жить исключительно для себя. Ему нравилось в Нью-Йорке, хотя он все еще скучал по Калифорнии. И не один раз он ловил себя на том, что думает о Кристел. Но теперь эти мысли редко посещали его. Она была слишком далеко и казалась чем-то нереальным – прекрасным видением, диким цветком, увидев который можно остановиться и восхищаться им, а потом отправиться дальше, зная, что не увидишь его больше никогда, так же как никогда не сможешь забыть. Он получил письмо от Бойда, где тот написал, что у них родилась дочь. В нем ничего не говорилось о Кристел. Пришла также открытка с сообщением, что у Тома и Бекки родился второй ребенок. Но теперь это все казалось далеко в прошлом. Это была часть войны, часть совершенно другой жизни. Он замотался со своей работой в конторе Андерсона, Винсента и Собро-

ка. Теперь он стал хорошо разбираться в законах о государственных налогах. Правда, его больше интересовал преступный мир, но ни у одного из его клиентов с этим не было ничего общего. Он занимался отсуживанием имущества и составлением завещаний, и это была интересная работа, о которой он мог всегда поговорить с отцом.

В тот день, ужиная с родителями, Спенсер узнал, что они тоже получили приглашение, но отец сказал, что слишком занят и не может присутствовать на банкете.

– А ты собираешься поехать?

– Не знаю как и быть, отец. Ведь я с ним едва знаком. – Он улыбнулся отцу. Судья только что начал слушать дело о нашумевшем преступлении, и Спенсеру не терпелось узнать от него подробности, о которых не писали в газетах.

– Ты должен поехать. Очень мило с его стороны, что он продолжает поддерживать с тобой отношения.

– Я постараюсь, но не знаю, смогу ли в это время оставить офис. – Спенсер улыбнулся, он выглядел моложе своих двадцати девяти. Каждый уик-энд он ездил загорать на побережье и много играл в теннис. – Мне кажется, я буду чувствовать себя глупо, если поеду туда. Ведь он действительно меня почти не знает. И вряд ли у него будет время, чтобы поехать в Вашингтон.

– Ты должен найти время. Я уверен, что фирма будет только рада, если ты попадешь туда.

Все относятся к нему с пониманием и уважением. Это

иногда даже раздражает. Такая жизнь очень похожа на ту, которой от него всегда ждали, часть реального мира, но он иногда не уверен, что это ему нравится.

– Я посмотрю.

Но к его большому удивлению, владелец компании, в которой работал Спенсер, повторил слова отца несколько дней спустя. Он пригласил Спенсера в «Ривер клуб» и там за выпивкой сказал ему, что он должен поехать к Гаррисону Барклаю.

– Это большая честь, что вы приглашены.

– Но я его едва знаю, сэр. – Точно так же Спенсер сказал и отцу, но его начальник покачал головой:

– Это не важно. Когда-нибудь он может быть вам очень полезен. Во всяком случае, я бы настоятельно рекомендовал вам сделать это.

Спенсер кивнул, принимая его совет, но все же чувствовал, что поступает глупо, согласившись на приглашение. Фирма даже забронировала для него номер в «Шоехаме», и за день до представления Спенсер поездом выехал в Вашингтон. Комната, которую для него заказали, оказалась большой и прохладной. Он улыбнулся про себя, опустившись в удобное кожаное кресло, и заказал виски. Что ни говори, это приятный образ жизни. А встретиться с Барклями даже интересно. Он надеялся, что там будет Элизабет. Спенсер ничего не знал о ней, после того как она уехала учиться в Вассар. Скорее всего она нашла кучу поклонников. Он, впрочем, то-

же не страдал отсутствием женщин. За этот год он встретился по крайней мере с дюжиной женщин. Обычно он назначал им девятичасовые свидания и водил ужинать в «Ле павильон» или «Валдорф». Он ходил с ними на вечеринки, в театры, играл в теннис в Коннектикуте или Ист-Хэмптоне, но ни одна из них серьезно не увлекла его. После войны прошло уже три года, но ему казалось, что все они озабочены только тем, как бы выгоднее выйти замуж. Он сам не чувствовал, что ему пора жениться. Да и адвокатская практика лишь первая ступень в его карьере. Правда, работа нравилась ему больше, чем он сам ожидал, но Спенсер часто признавался себе, что в ней не было ничего захватывающего. Он все еще мечтал о великих делах. Он надеялся, что в его жизни рано или поздно произойдут какие-нибудь изменения, и ждал, что жизнь еще подарит ему что-нибудь необычное, прежде чем он осядет и остепенится, женится, начнет строить спокойную семейную жизнь. В любом случае он еще не встречал подходящую девушку, которая была бы не занята.

Он только-только начал оправляться после всех потрясений войны и смерти брата. Боль утраты стала потихоньку притупляться. Роберт погиб четыре года назад, и родители продолжали говорить о том, как много он мог достичь. Спенсер уже избавился от чувства, что он должен идти по стопам своего погибшего брата. Теперь он был самим собой и иногда чувствовал себя так, будто весь мир принадлежит ему. Временами ему бывало одиноко, но он не обращал на

это внимания. Ему даже нравилось иногда побыть одному. И несмотря на то что юриспруденция никогда не была пределом его мечтаний, он уже начал от души наслаждаться своей работой.

Следующий день выдался ярким и солнечным. Спенсер прохладным сентябрьским утром отправился в здание Верховного суда, где должна была состояться официальная часть представления. На нем был темный костюм в тонкую полоску и темный галстук, что очень шло к его черным волосам и синим глазам. Выглядел он великолепно. Его провожали заинтересованные женские взгляды, но он делал вид, что не замечает их. Ему даже удалось пожать руку судье Барклаю, прежде чем его подхватила толпа и поволокла за собой. Спенсер не встретил никого из знакомых и очень сожалел, что с ним не было отца.

Он погулял по городу, посмотрел памятник Вашингтону и мемориал Линкольна, потом отправился обратно в гостиницу перекусить и переодеться к вечернему банкету, на который тоже был приглашен. Барклаи устраивали официальный обед с танцами в «Мейфлауер отель».

Спенсер вышел из гостиницы, поймал такси, которое доставило его к отелю. Он долго и терпеливо ждал, когда подойдет его очередь поздороваться с Прициллеей Барклай, его терпение было вознаграждено, так как жена судьи очень приветливо кивнула ему:

– Как мило, что вы пришли, мистер Хилл. Вы уже видели

Элизабет?

– Спасибо. Нет, еще не видел.

– Она была здесь буквально несколько минут назад. Уверена, что она невероятно обрадуется, увидев вас.

Он прошел дальше, чтобы поздороваться с ее мужем, а потом быстро двинулся в зал, освобождая место другим гостям, ожидающим своей очереди. Оказавшись в баре, Спенсер заказал виски с тоником и оглянулся, чтобы рассмотреть небольшую компанию, стоявшую неподалеку от него. Большинство мужчин были пожилыми, женщины демонстрировали шикарные туалеты. Он узнал многих известных политических деятелей. Спенсер почувствовал волнение, что находится рядом с ними. Он отпил небольшой глоток из стакана, узнав в одном из мужчин еще одного члена Верховного суда. Тут он заметил молодую женщину, беседовавшую с пожилым мужчиной, и, когда она обернулась, он узнал в ней дочь Барклаев. Она показалась ему гораздо взрослее, чем год назад, и в то же время гораздо симпатичнее. Она улыбнулась, узнав его, и он вдруг припомнил, насколько уравновешенной она была во время их последней встречи и как это ему понравилось. Он решил, что девушка красивее, чем он ее помнил, и когда он, улыбаясь, направился в ее сторону, ему показалось, что ее бархатные карие глаза загорелись мягким светом. Медные волосы были подстрижены короче, чем в прошлый раз, она надела белое облегающее атласное платье, которое выгодно подчеркивало загар, явно приобретенный на

озере Тахо. И он опять удивился, насколько она красива, а он этого не запомнил.

– Привет, как поживаете? Как учеба в Вассаре?

– Скучно. – Она улыбнулась, разглядывая его, потом, усмехнувшись, добавила: – Мне кажется, что я слишком стара для колледжа. – Действительно, Вассар казался ей детской забавой. Не прошло и трех месяцев, а она уже мечтала поскорее закончить его и заняться чем-нибудь другим, но ей оставалось учиться еще три года. Едва начав второй курс, она уже сомневалась, что сможет закончить его. – Поукипси просто ужасен.

– После Калифорнии таким же иногда кажется и Нью-Йорк. Зимы прямо-таки убивают, вы не находите? – Он рассмеялся. Год назад он сам в душе боялся именно этого, но теперь уже начал привыкать, и ему нравилась беспокойная нью-йоркская жизнь, которая так отличалась от жизни тихого Поукипси.

– Очень хорошо, что вы приехали. Я уверена, мой отец будет тронут, – вежливо сказала она, и Спенсер чуть не рассмеялся. Смешно представить, что окруженный толпой коллег и друзей, судья Барклай будет тронут появлением никому не известного адвоката.

– Очень мило с его стороны пригласить меня. Должно быть, он рад своему назначению.

Она улыбнулась и отпила джин с тоником из своего стакана.

– Да, конечно. А еще больше мама. Она ужасно любит Вашингтон. Вы же знаете, она здесь родилась.

– Нет, не знал. Но надеюсь, для вас это тоже большая радость. Вы часто пропускаете занятия? – Спрашивая ее, он любовался формой ее плеч и находил, что ему определенно нравится ее новая прическа.

– Не так часто, как бы мне хотелось. За последний год я почти не была в Нью-Йорке. Но постараюсь проводить с родителями побольше времени, во всяком случае, во время каникул. Это намного проще, чем постоянно ездить в Калифорнию.

Они поболтали еще немного, но тут гости начали рассаживаться, и, спросив одного из слуг, распределявших места, где ему сесть, Спенсер обнаружил, что его место – за одним столом с Элизабет. Ему стало приятно, что ее мать и здесь позаботилась об этом. Он даже представить себе не мог, что так распорядилась сама Элизабет, когда они с матерью просматривали списки гостей. В прошлом году он произвел на нее сильное впечатление, и ей было немного обидно, что он не попытался связаться с ней в Вассаре.

– Как вы находите свою адвокатскую контору в Нью-Йорке? – Она не могла вспомнить, как именно она называется, помнила только, что она очень известная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.